

И нас качают те же волны

детектив из глубинки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ли́дия Луковцева

Лидия Луковцева

И нас качают те же волны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42656371

SelfPub; 2020

Аннотация

В маленьком тихом городке на Волге уже полгода разыскивают пропавшего владельца старинного особняка. На этом фоне новое ЧП, исчезновение сына крупного чиновника, жившего по соседству, выглядит тем более зловеще. Пока спецслужбы в мыле, три подруги, женщины в годах, решили изменить привычный образ жизни. Реализуя «культурную программу», они сталкиваются со следами преступления и случайно его раскрывают. Так начинаются их захватывающие приключения. Легкая ироничная история, частично основанная на реальных событиях, для читателя, предпочитающего погоням и перестрелкам постепенное распутывание клубка загадок – и человеческих судеб. Содержит нецензурную брань.

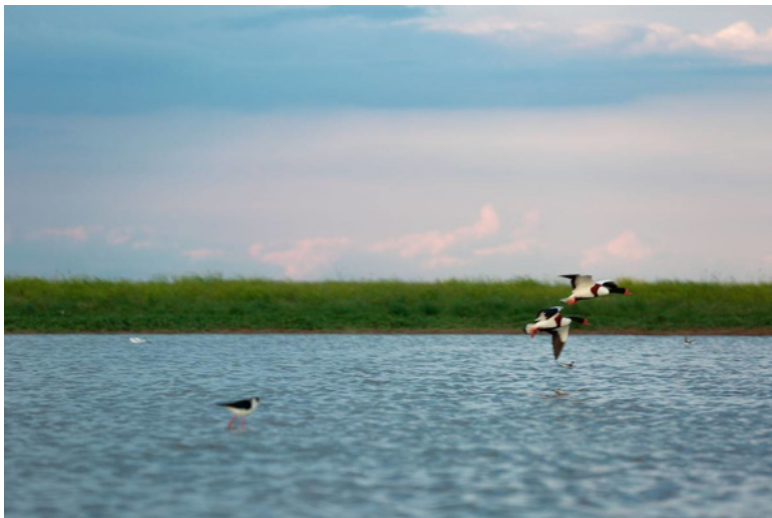
Содержание

Кто-то теряет, а кто-то находит	4
Суровые полицейские будни	29
Все только начинается	55
Немного о женской дружбе	76
Столичный гость	103
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Лидия Луковцева

И нас качают те же волны

Кто-то теряет, а кто-то находит

Городской зять подарил Федотычу на день рождения спиннинг. Роскошную игрушку: одноручный – для ловли с лодки, с инерционной катушкой, удилице – с пробковой ручкой, набор блесен разных форм и размеров. В рыбацком селе Ватажное спиннингом сейчас никого не удивишь, но подарок пришелся по душе Федотычу, и душа требовала его

опробовать. Да и жена просит судака – котлет налепить судацких («судочьих», как говорят волжане) – праздник за праздником в мае. Для судака сейчас самое время, у него в канун нереста – жор.

Федотыч был на реке, когда только начинало сереть. утренний клев на спиннинг хорош в предрассветной мгле, потому как первая кормежка у клыкастого начинается затемно и продолжается до восхода солнца.

У каждого рыбака – свои убеждения и своя правда. Кто-то ловит на большой глубине и сильном течении под мостом, кто-то предпочитает тихие места с замедленным течением, мелководье, на ямах и завалах, кто-то – поближе к берегу, на участках, поросших камышом и осокой, в местах у притопленных деревьев, где плотное песчаное дно (судак не любит замуленного дна и грязной воды). Согласны рыбаки в одном: по реке нужно перемещаться, обловить несколько мест. Если поймал подряд пару мелких рыбешек, крупной рыбы здесь не жди: судак по весне собирается в стаи и охотится на малька, и размер рыб в стае примерно одинаков.

Федотыч сменил несколько мест, поймал пару бершей и решил попробовать поближе к берегу, у камышей. Бросил якорь, дал лодке отойти метров на десять и начал сбрасывать леску. Почувствовав, что блесна достигла дна, начал вращать катушку, подтягивая ее. Потом снова дал блесне опуститься, снова подтянул – блесна должна двигаться скачками, тогда рыба атакует ее. При очередном подъеме удилица ощутил

легкий толчок: поклевка!

Подсеченного судака нельзя вываживать, его надо тащить как можно быстрее. Федотыч, рыбак с молодых ногтей, знал, что при малейшем ослаблении лески клыкастый кидается за камни, топляки и коряги, откуда его редко удается вытащить, да что-то замешкался. Все же начал тащить, рыба отчаянно сопротивлялась, упертый рыбак не сдавался. В результате их борьбы всплыла здоровенная затопленная коряга, зацепившаяся за камыши, и, покачавшись у лодки, медленно поплыла по течению. Наконец, при очередном рывке почувствовал тяжесть. Судак, как правило, идет почти без сопротивления, иногда кажется, что тянешь корягу, и только возле поверхности воды делает несколько сильных рывков. Похоже, судачище был знатный, килограммов на шесть, как минимум.

Узнать этого Федотычу так и не довелось: рядом с показавшейся над водой рыбиной всплыло еще что-то, и азартный мат застрял у мужика в горле. Жизнь проживший на реке, он уже в следующую секунду понял, что это «что-то» – утопленник: приходилось с мужиками их вытаскивать. Но тут его почему-то оторопь взяла.

Ясно было, что мужик и, видно, недолго плавал – одежда не зимняя. Можно было понять, что в тренировочном костюме, темное что-то, но не пиджак и не свитер. Понятно было и то, что помогли ему утонуть: в одежде не купаются, да и не сезон еще купаться, а рыбаки на реку потеплее оде-

ваются. Можно было бы предположить, что молодежь, перепив, поехала на катере освежиться да перевернулись. Но за последние недели по телевизору ни о каких таких происшествиях не передавали.

Но главное, что сразу же заметил рыбак, вмятина на голове утопленника: лицом вниз, не сильно короткие волосы вода раздвигает, кровь уже отмылась, но по вмятине можно судить, что хорошо его приложили. Мысли пронеслись в голове молнией, но долго потом стояла в глазах у Федотыча эта картинка! После даже в церковь ходил, свечку поставил за упокой души неизвестного убиенного.

А в тот момент – спиннинг выпал из ослабевших рук мужика и ушел под воду вместе с судаком, а в голове вихрем завертелись мысли. Вспомнилось, как мытарили их всевозможные представители закона, когда приходилось с мужиками вытаскивать жмуриков из реки, сколько пришлось ездить в город по повесткам на собеседования-допросы, сколько писать показаний-объяснительных! Так там их было сколько свидетелей, а здесь он один!

Федотыч вытащил якорь, отбуксировал свою находку на течение. Но незнакомец все никак не хотел уплывать, жался к борту лодки. Рыбак подтолкнул его веслом, перекрестил вослед:

– Прости, друг! Тебе уже все равно, а мне жизнь долго отравлять будут!

Жене предъявил двух пойманных бершиков, буркнул, что

утопил спиннинг – судак крупный попался, оплошал. Та, видя, в каком расстройстве пребывает супруг, зудеть не стала, что само по себе уже было достойно удивления.

* * *

Начало сентября в этом году в Шахтерском было удивительным – теплые, золотые стояли денечки. Только вот на душе у Надежды было совсем не солнечно. Уже год, как они с Юркой живут вместе, с тех пор, как муж, застав в неподобающем виде любимую супругу и своего приятеля в супружеской постели, молча собрал пожитки и ушел из дому. И за все это время – никаких подвижек! Как жили в гражданском браке, а, называя вещи своими именами, сожительствовали, так и продолжали. Разве что Надежда, поспешившая подать на развод, получила законное право приводить Юру, ни от кого не прячась. А потом и поселить у себя.

У Нади все более крепла мысль, что любимый просто кантуется у нее. Что не жить – бесплатная жилплощадь, отличное питание и прочий уход (Надя была хорошей хозяйкой), а также секс, тоже бесплатный и гарантированно гигиеничный. Несколько ее слабых попыток провентилировать вопрос и прийти к какой-то конкретике, успехом не увенчались: Юрик эти попытки пресек – где шуткой, где поцелуем, а где и окриком.

А она его любила, так, как никогда не любила мужа. Муж

был старше на двенадцать лет, и прост, как три копейки. Надя с ним скучала. Замуж пошла потому, что возраст поджигал, она хорошо погуляла, и надо было определяться. Парень ей подвернулся симпатичный, и у него на лбу было написано, что – порядочный. Хорошо, детей не завели, детей рожают от любимых.

А Юрка, наоборот, моложе нее на десять лет. Ему хорошо за тридцать, ей, стало быть, хорошо за сорок. И разницу эту не скроешь, как ни старайся – она крупной комплекции, дородная, не чета нынешним субтильным доходяжкам. Но они могут и в джинсы влезть, и лосинами обтянуться, и юбкой лишь срамное место едва прикрыть. Она, конечно, и в блондинку красится, и макияжится, но, когда рядом идут, видно, что тетка намного старше. Хотя Юрик – тоже амбал хороший, бывший десантник.

Когда она только заикнулась о ребенке, о том, что возраст у нее весьма и весьма критический, любимый ухмыльнулся:

– У меня-то – не критический! Я еще не созрел для отцовства! А вздумаешь схимичить – уйду сразу, а то и уеду куда подальше. Будешь алименты издалека получать. Тебе это надо?

Ей этого было не надо. Похоже, Бог наказывал ее за бывшего мужа, и мерилось ей той же мерой. Но отказаться от Юрки было выше ее сил!

Она не переставала удивляться благородству бывшего мужа и его житейской глупости – никаких претензий на квар-

тиру, на имущество, что вместе наживали: ушел – отрезал – вычеркнул! Жил в съемной квартире. Правда, был у него в маленьком поволжском городке Артюховске наследственный дом – деревяшка, червями источенная. Каждую весну он уезжал туда в отпуск, рыбачить. Мужики – соседи и из его бригады – ждали возвращения Сергея, как дети новогоднего праздника: всех воблой угощал. Надежде это было без разницы, к рыбе она была равнодушна.

Хотя Юрке всякие душевные тонкости были не свойственны, но и жлобом он не был. Когда Надя попробовала подъехать к милому с идеей регистрации («зарегистрируемся, пропишу у себя»), тот, свинья, расхохотался:

– Так мне ж не требуется! Я у мамы прописан, и ее единственный сынок.

Все чаще одолевали Надю безрадостные мысли.

Юрик отсыпался после ночной смены в шахте, у нее был выходной. Позавтракала, перемыла посуду и спустилась на второй этаж к почтовым ящикам – взять телепрограмму, пока не сперли. В программу был вложен конверт. В подъезде темновато, не разобрать – от кого, но почерк, вроде бы, незнакомый. Надежда поднялась в квартиру, в кухне у окна посмотрела – из Артюховска, но не Сергея рука, чужая. От чего-то екнуло сердце. Вскрыла письмо, прочитала, раз, потом другой...

Писал артюховский сосед и дружок мужа – Николай: о странном отъезде Сереги, его молчании. Объяснял, что

долго не решался написать ей, знал, что развелись, но больше никому: ни нового адреса Сергея не знает, ни точного названия организации, где он работает. На деревню дедушке писать? Дом стоит закрытый, ключи не оставил, телефон – «вне зоны»... Не могла бы она узнать, доехал ли благополучно, жив-здоров ли и почему молчит, вестей не подает?

Надя вспомнила, что в конце мая к ней приходили двое ребят из бригады Сергея. Они знали, конечно, что супруги разбежались и даже развестись успели, и что Сергей здесь не живет, но уже две недели назад он должен был выйти из отпуска на работу. В бригаде ждали: мало ли, с билетами туго. А может, приболел, а может, загулял – познакомился с какой-нибудь бабенкой. Но в таких случаях люди телеграмму посылают. Бригадир попросил ребят сходить к хозяйке, у которой Серега снимал жилье. Та тоже ничего не знала, все вещи на месте. Уволят, конечно, мужика, в связи с невыходом на работу, и на репутацию его не посмотрят, только все это абсолютно на Сергея не похоже. Может, Надежда что-то знает?

Надя немногочисленных друзей бывшего мужа видеть не могла – понимала, что они знают всю их подноготную и винят ее. К тому же, еще не совсем остыла после размолвки с Юриком, а потому раздражилась и облаяла мужиков как хотела. Не знает и знать не желает! Ей дела нет, что там стряслось с этой бестолочью несчастной, с ним всегда что-то происходит!

Тут уж она перегнула палку, конечно: бестолочью он не был, и ничего такого, из ряда вон выходящего, с ним не происходило. Выскочив за дверь, мужики, кроме нецензурных слов, вспомнили только одно приличное: мегера.

Юрка, который во время этой сцены благообразно носил из спальни не высунул, потом сказал изумленно:

– Ну ты и стерва! Чем муж тебя так уж допек? Чего взбесилась?

А она и сама тогда не понимала, зачем и почему! Только сейчас, прочитав письмо, начинала понимать. Вернее, не умом понимать, а сердцем, инстинктом. Что-то вдруг с ней случилось, ее прорвало – за всю свою довольно долгую и довольно непутевую жизнь она так не плакала. Сердце ей сказало, что Сергея уже нет на этом свете. Она захлебывалась рыданиями, подвывала, слез не вытирала, только сморкалась в кухонное полотенце.

Из спальни вылетел очумевший Юрка, тряс ее, пытался добиться хоть слова. Надя протянула ему письмо, пыталась объяснить, но не могла. В тот момент со слезами выплескивалось подавляемое в себе чувство вины (в сущности, была она неплохим человеком), жалости к мужу, которого не любила и которому полтора десятка лет отравляла жизнь, по причине этой своей нелюбви. Холила и лелеяла в памяти каждый его промах, недостаток, раздувала в ссору любой конфликт, чтобы потом жаловаться соседкам и подругам, какой недотепа и дебил ее муж. Бабы согласно кивали, а в ее от-

сутствие перемывали ей кости, изо всех сил сочувствуя Сергею. У них было больше оснований жаловаться на своих мужей – пьянчуг, драчунов и лодырей.

А еще – испытывала она странное чувство обиды. Вычеркнув мужа из своей жизни и строя новое счастье, где-то в уголочке души Надя таила уверенность, что, как бы ни сложилась ее жизнь в дальнейшем, Сергей всегда будет к ее услугам, поймет и простит. Такой запасной аэродром. Королева и верный до гроба рыцарь. А рыцарь ее надежды разрушил, предал ее. Хотя он и был ей верен... до гроба?

Надя была человеком действия, а не только эмоций. Когда лимит слез на ближайшее время был исчерпан – слезные пазухи перестали выделять жидкость – она, отрыдав и отсморкавшись, кинула мокрое полотенце в бельевую корзину и пошла приводить себя в божеский вид.

Действовать надо было незамедлительно.

* * *

В шахтоуправлении с баламутной зареванной бабенкой никому не хотелось связываться. Секретутка (секретарь-референт, елки-палки!) зашла в кабинет к заму генерального директора, вышла и сообщила, что Надежде нужно спуститься на второй этаж, в кадры. Там она может изложить свою проблему директору по работе с персоналом, поскольку кадры находятся в его ведении.

Кадровик, выслушав Надю и пощелкав мышкой компьютера, сообщил, что Бельцов С.М. уволен с 6-го мая за длительный прогул, а отосланная заказным письмом, согласно законодательству, трудовая книжка вернулась по причине выбытия означенного Бельцова с постоянного места жительства. Надя вспомнила, что в июне почтальонша приносила заказное письмо на имя Сергея, а она отказалась его взять.

Бельцов у них теперь не работает, и чего, собственно, хочет от них гражданка... э-э-э... (заглянув в пропуск) Бельцова? Найти ее экс-супруга? Так это дело полиции, и прямой ей путь туда. Надя совала ему письмо Николая, пыталась втолковать, что одно дело, когда на розыск подает бывшая жена, и совсем другое, когда солидная организация разыскивает пропавшего работника, неоднократно награждаемого, между прочим, грамотами, премиями и ценными подарками.

Кадровик (тьфу, прости господи, директор по персоналу), наивный, думал, что размеры и солидность, даже официальная роскошь его кабинета, подавят разболтанную надеждину психику, как обычно бывало с работягами, попадавшими в эти апартаменты, а затем выскакивавшими из них дрессированными зайчиками. Он не понял сначала, кто к нему пожаловал в образе дебелий простоватой крашеной блондинки в мини-юбке и кислотной майке канареечного цвета, с затерявшейся между могучих грудей надписью «Love», под расстегнутой ветровкой.

Секретарша ловила тренированным ухом звуки различ-

ных частот и окраски, доносящиеся из кабинета: гул урагана, рев бегемотихи, трубное сморкание. Она голову ломала, почему Игнат Гафурович не вызывает охрану. Сунувшись на выручку шефу, со стаканом воды на подносе, успела увидеть: бабища в кресле привалилась башкой к груди начальника и сморкается в его платок, а оный начальник, стоя над креслом с теткой, гладит ее по крашеным патлам.

Шеф, услышав звук открываемой двери, не прерываясь, величаво махнул свободной дланью: изыди, мол! Через какое-то время высокочастотные звуки стихли, и в щель предусмотрительно неплотно прикрытой секретаршей двери стало доноситься приглушенное гипнотическое бормотание Игната Гафуровича – профессионала высокого класса, как говорится, зубы съевшего на усмирении локальных мятежей и подавлении воли инакомыслящих в стенах этого кабинета.

После почти часового пребывания в кадровом святилище, тетка вышла, досмаркиваясь в шефов шелковый, с вензелем, 50-долларовый платок. Одарив восседавшую за секретарским тронем анорексичную блондинку мокрым победным взглядом, она выплыла из «предбанника», активно двигая туго обтянутыми мини-юбкой «булками». Нет, караваями, которые, доведись такие выпечь, вполне могли бы претендовать на место в Книге рекордов Гиннеса, как образец гигантомании.

Распаренный шеф вышел в «предбанник», утираясь свежим платком. Секретарша глядела с молчаливым вопросом.

– Меня сегодня нет... Знойная женщина!..

– Мечта поэта?

– Поэта – может быть, но для старого кадровика – слишком... вулканична!

– Какие распоряжения?

– Ну... какие... Подготовь запрос в полицию.

* * *

А в это время в далеком Артюховске на песчано-галечном, замусоренном берегу Волги, усеянном осколками стеклянных и целыми, но мятыми пластиковыми бутылками, проистекала драка.

Дрались два парня. Один – высокий, стройный, темноволосяй. Перед дракой он, видимо, искупался, поскольку голова его была мокрой, промокли и джинсы в районе плавков. Второй – чуть пониже ростом, коренастый, русоволосый. Похоже, он появился на берегу с той же целью – искупаться, но осуществить ее не успел. Судьба организовала ему встречу с темноволосям, к которому в плане купания она была более благосклонной.

Сентябрьскими купаниями в Поволжье никого не удивишь. Случаются дни, когда термометры фиксируют почти июньскую температуру, и, хоть водичка становится прохладней и поток жаждущих окунуться редее, но не иссякает совсем. По случаю буднего дня берег был довольно пустынь-

ным. Немного поодаль от места драки рыбачили рядышком дедок и женщина, окруженные десятком без малого котом, да недалеко от берега с лодки – еще один мужичок. На корме в лодке тоже можно было разглядеть рыжего котяру.

Береговые коты, обложившие рыбаков, установившийся за годы порядок знали и вели себя дисциплинированно. Когда дедок или женщина-рыбачка выдергивали совсем уж никчемную рыбешку, они, не оборачиваясь, кидали ее за спину. Очередник на лету подхватывал рыбку и, не торопясь, удалялся, а на его место передвигался следующий и терпеливо ждал своей очереди. Особо наглых или неграмотных пришлых агрессивным мявом, демонстрацией задранных хвостов и вздыбленной шерсти коллективно водворяли в конец очереди. Изредка приходилось применять более крутые меры. Потрепанный наглец отпрыгивал на безопасное расстояние и оттуда угрожающе или жалобно гудел, не рискуя, однако, приближаться.

Рыбаки и коты, отвлекшись на некоторое время от рыбалки, с интересом следили за развитием драки. Только женщина-рыбачка, обладавшая, по-видимому, обостренным чувством гражданского самосознания, крикнула:

– Сейчас в полицию позвоню! – и, посчитав свой гражданский долг исполненным, вернулась к первоначальному занятию.

Дедок, подслеповато шурясь, отслеживал этапы поединка и изредка восторженно побрякивал: он унесся по волнам па-

мяти во времена своей молодости и ловил кайф.

Коты же думали, что их мартовские сражения куда более зрелищны, а уж в смысле звукового оформления вообще не сравнимы.

По всему было видно (и слышно), что сражение идет не за хлеб насущный, а за самку.

– Мне тут приснилось, что ты к моей телке клинья подбиваешь, – эзоповским языком начал предъявлять претензии русоволосый.

– Приснилось, говоришь? Ну, пусть этот сон обернется для тебя кошмаром, – поднимая с песка и наспех натягивая футболку, не стал опровергать темноволосый. – Только я телок не пасу. Может, ты им пастух, а в моем окружении только приличные девушки.

– Супермен, да? Рэмбо? Ужас, летящий на крыльях ночи за папочкиной спиной?

– При чем тут папочка, козел?

– Сам козел! За козла ответишь!

– Я не обзываюсь, это просто констатация факта.

– А в рыло?

– Ничего не доказывает тот, кто доказывает с гневом, – продолжал интеллигентно выпендриваться искупавшийся, – восточная пословица, кто не знает!

– Красиво поешь! Прямо солист!

– Да и ты – не рядовой хорист!

– Козел! – сэпигонничал не успевший искупаться.

– Козла в зеркале увидишь! – не согласился с его аргументом искупавшийся.

Пролог закончился, действие стало развиваться более динамично.

Потолкав друг друга в грудь и попытавшись порвать друг другу майки, ратоборцы в крепком мужском объятии свалились на песок. Дальше сражение шло с переменным успехом, с применением рук и ног. Силы были примерно равны, и результат сражения предсказать было сложно. Пожалуй, это была боевая ничья, потому как конец битве двух титанов положили трое крепеньких мужичков, появившихся на берегу очень кстати.

– Ну, ты пропал! – дрожа от ярости предупредил русоволосый, рвавшийся из рук двух мужичков, и сплюнул сгусток крови.

– И тебе не хворать! – вежливо закончил разговор темноволосый, не выходя из роли интеллигентного юноши и не делая попыток вырваться из рук третьего миротворца. Вытащив из кармана джинсов монетку, он приложил ее к расцветающему на глазах фингалу. При этом из кармана выпал крохотный полиэтиленовый пакетик и беззвучно упал в песок. Заметил это только русоволосый. Он, в отличие от своего противника, не поторопился уйти с берега, а, присев на песок рядом с упавшим пакетиком, дождался его ухода. Когда мужички-миротворцы залезли в воду, русоволосый извлек из песка выпавший полиэтиленовый пакетик, разлепил

его и вытащил кольцо. На внутренней стороне обручального кольца была гравировка. Шевеля разбитыми губами, парень прочитал надпись. Прочитав ее, прорычал сдавленно:

– Ну, погоди, Рэмбо-козел!

Тем временем к берегу подплыл рыжий котяра, рыбачивший с хозяином в лодке. Ему прискучило глядеть на воду, и он, словав окунька и сапешку, решил, что, пожалуй, достаточно, и надо добираться своим ходом. Следом приплыл в лодке и хозяин.

– Не берет! – пожаловался береговым рыбакам. – Одна мелочь! Чего это они сцепились?

– Да из-за миски нашей, артюховской. Мало им девок, что ли? Нет, всем престижную подавай!

– Себя вспомни! – посоветовала женщина-рыбачка, снимая с крючка небольшого окунька.

Рыбачка какое-то время задумчиво смотрела на рыбешку: не могла определиться – то ли кинуть ее за плечо страждущей очереди, которая не убывала, то ли бросить в ведерко к остальному улову. Надо же и своему коту что-то принести. А может, даже и в ушицу бросить, для навару.

– Это да, – согласился дедок. – Ничего нового на этом свете.

* * *

Перед дежурным Шахтерского РОВД стояла натуральная

блондинка, с ненатурально огромными глазами цвета весеннего неба. «Глаза, что ли, косметологи уже научились увеличивать?», – подумал не искушенный в вопросах косметической хирургии сержант-дежурный.

– Вы что хотели, гражданочка? – с максимально возможной приветливостью спросил дежурный.

– Мой муж пропал. Ушел и не вернулся. Три дня как, – четко отрапортовала гражданочка.

Судя по быстроте и четкости ответа, гражданка была проинформирована компетентными людьми, что менты начнут ей вешать лапшу на уши про пресловутые три дня. Вряд ли эти три дня истекли, может, муж просто не пришел ночевать, но подобными вопросами в их конторе занимаются другие товарищи. Хотя в данном конкретном случае сержант не отказался бы поучаствовать в розыске. И потянуть время розыска. Ветры судеб заносили в их юдоль печали людей разного пола и возраста. Среди представительниц женского пола частенько попадались и хорошенькие, но сегодняшняя их представительница была – что-то особенное! Гений чистой красоты.

– Это вам прямая дорога в Петропавловку! – обозначил маршрут дежурный.

Небесно-голубые глаза, и без того огромные, вдруг начали выкатываться из орбит, но в последний миг каким-то чудом в них удержались.

– В Петропавловку?.. В Питер, то есть?

– Ой, простите. В отдел по розыску пропавших, конечно. –

И рявкнул без паузы:

– Петр-р-ров!

Гений чистой красоты отпрянул от неадекватного мента и едва не сшиб пробежавшего мимо мужика в штатском. В правой руке тот сжимал мобильник, в левой была пухлая папка, но он принял удар корпусом и сумел удержать занятыми руками неустойчивую гражданку.

– Ты что, Сёма, совсем офонар-р-рел?

– Извиняюсь, товарищ капитан, вот гр-р-гражданочка к вам!

– А Павлов где?

– Так в Утюпкино ж поехал, в интернат для престарелых!

– А стажер-р-р-ка?

– Так со стажер-р-р-кой!

– Р-р-разберемся! – ласково рыкнул Петров, но у красивой посетительницы почему-то мурашки поползли по спине. Нет, не позавидовала она Павлову со стажеркой.

– Пр-р-ройдемте! – любезно предложил Петров.

«Чего они рычат-то?» – мелькнул в голове посетительницы закономерный вопрос: «Специально их тренируют, что ли?»

Выслушав в своем кабинете гражданку Тимохину Элеонору Евгеньевну и задав несколько уточняющих вопросов, капитан вручил ей лист бумаги, ручку и велел писать заявление, с изложением всех обстоятельств. Сам же немедленно

чтобы лишний раз убедиться в том, что она находится не в львином прайде, а в кабинете начальника отдела по розыску пропавших граждан.

– Есть, товарищ полковник! У меня сейчас посетитель, как закончу – сразу зайду! Есть – немедленно!

Медленно и нежно капитан положил трубку на место, покачав головой.

– Начальник? – осмелилась посочувствовать гражданка Тимохина.

– Новый, – сообщил доверительно потерявший бдительность Петров. – Новая метла, сами знаете...

В этот момент в кабинете появилось еще одно действующее лицо – в форме, при погонах, но в званиях Элла не разбиралась. Мужик молча пожал руку хозяину кабинета и плюхнулся на стул за пустовавшим столом, надо полагать, уехавшего в Утюпкино со стажеркой Павлова.

– Нет, ну ты представляешь? Ну, надо же вникать! Кого я могу зачислять, если девяносто процентов претендентов тестирование не проходят? – с надрывом выкрикнул гость. – Где мне взять эти девяносто процентов?

– У меня посетительница! – кивнул Петров, вновь обретший бдительность.

Пришлый мент мельком глянул на корпевшую над своей сагой Тимохину.

– Так он мне говорит: «Учитесь работать!» С кем работать? – продолжал тем не менее кипятиться гость.

Несмотря на трагизм переживаемой ею жизненной ситуации, Тимохина Элеонора Евгеньевна ощутила смутное беспокойство: с ней явно было что-то не так. За последние полчаса уже второй мужчина не то, что не впал в столбняк при виде нее, он, кажется, вообще не обратил на нее внимания. Ну ладно Петров, у него жена рождает, а этот?.. Вполне в половозрелом возрасте! Старееет она, вот что! Как же незаметно подкралась старость!..

Самобичевание Эллы прервал звонок ее мобильного.

– Извините, – сказала воспитанная Элла. – Да! Любимый! Ты где? Ты где был? Я на розыск подала! Уже подаю... Ты жив? Ах, ну да! С тобой все в порядке? Я уже бегу!

Менты переглянулись.

– Представляете, – обратила сияющий небесный взор на полицейских Тимохина Элеонора Евгеньевна, и сердце безмянного половозрелого коллеги Петрова замерло, постоянно немного и снова пошло, буквально в соответствии с песней – его похитили! Требовали денег, а откуда у него деньги?

– А позвонить вам нельзя было? Сообщить? Предупредить?

– Он хотел, но когда похитители поняли, что денег нет, они у него телефон отобрали! В качестве компенсации! Потом все же вернули, нормальные ребята оказались. Его даже не пытали! А потом совсем отпустили!

Менты еще раз переглянулись и опустили глаза: мелковатый киднеппер пошел!

- Так я пойду?
- Идите-идите!
- Счастливо оставаться!
- И вам того же! Берегите мужа! Будьте бдительны!
- Я берегу!
- Видно, плохо бережете!
- Да-да, я приму меры! А вам желаю сына здоровенького!

Или вы хотите дочку?

– Да мне все равно! У меня уже все есть, – умилился вниманию гражданки Тимохиной капитан.

Оставив свой недописанный роман на столе, гражданка Тимохина выпорхнула из кабинета.

– Блондинка, что тут скажешь, – вздохнул коллега Петрова. Нестеров была его фамилия.

– На ее месте могла бы быть и брюнетка, – возразил Петров.

– Хочешь сказать, любовь лишает мозгов?

– Именно!

– Козел этот ее муж! – подытожил Нестеров.

– Чем меньше женщину мы любим... – процитировал Петров солнце русской поэзии и наше все.

Нестеров был тоже не лыком шит и блеснул опереньем:

– Чем больше женщину мы меньше, тем меньше больше она нам!

– Сам придумал?

– Идеи в воздухе витают! – пожал плечами Нестеров. –

Кажется, Жванецкий. Но если даже и так, я с ним абсолютно согласен.

– Нет, тут типично пушкинский вариант!

– Вот я бы с такой пылинки сдувал!

– Не говори «гоп!» – возразил Петров, старший по возрасту, званию и семейному стажу. – Может, этот ангел его так достал, что похищение было единственным способом передохнуть.

– Все-то тебя тянет в философские дебри. Все гораздо проще: козел, однозначно.

– Слава богу, одним делом меньше. Пойду на ковер. Шеф велел – немедленно, а я тут с вами!..

– Почто?

– Да пролопушили, – с досадой махнул рукой Петров. – Человек пропал полгода назад, теперь в шахтоуправлении зачесались. А у меня тут свежих случаев невпроворот, третьего работника два месяца не было, мы с Павловым зашились конкретно!

Он посмотрел на телефонный аппарат, но подумал мгновение и опустил протянутую руку.

– Да еще жена: то скорая, то на сохранении... Поздние роды! А мы запрос по потеряшке вовремя не послали в последний адрес. Оказывается, он где-то не по месту прописки в последнее время пребывал. Знали все, не почесался никто, а шахтоуправление теперь чего-то вдруг активно интересуется результатами. Так что сейчас я пойду, получу – по са-

мое не хочу.

– Ну, поторопись! По грехам и муки, однако, – с лицемерным сочувствием вздохнул Нестеров, намекая на профессиональную несостоятельность петропавловцев и собственную профпригодность, которую просто еще не имело времени оценить новое начальство.

Суровые полицейские будни

Старший лейтенант Игорь Романцов, начальник отделения по розыску без вести пропавших Артюховского РО-ВД, с утренней оперативки возвращался лишь слегка встре-панным: сегодняшнее совещание руководство проводило по принципу «всем сестрам – по серьгам». Сутки случились относительно спокойные, без ЧП и происшествий по лично-му составу, и потому, никого особо не выделяя, шеф под-верг «конструктивной критике» всех начальников подразде-

лений. С целью поддержания коллектива в рабочем тоне и чтобы жизнь медом не казалась.

В коридоре встретился ему участковый Салимгареев, толковый парень, выпускник астраханской школы милиции. Еще с того времени, как Азамат Салимгареев проходил стажировку в отделении у розыскников, между ними сложились дружеские отношения. И в силу небольшой возрастной разницы, и, главное, Романцову imponировали деловые и человеческие качества младшего лейтенанта.

– Азамат, зайдешь?

– Чайком угостишь?

– Обязательно!

Романцов успел только разлить кипяток в чашки, как в кабинет заглянул начальник отделения по кадрам Трусов.

– А что это вы тут делаете, орлы?

– Водку пьянствуем и безобразия нарушаем! – вытянувшись в струнку, отрапортовали орлы.

– Ужо я вас! – попенял майор, – ему по должности полагалось быть суровым и бдительным. – Салимгареев, зайти ко мне!

– Есть, товарищ майор!

– Чегой-то ты набедокурил? – поинтересовался Романцов.

– Кто ж вас, ментов, знает! – вздохнул участковый. – Раз вызываете, значит, виноват!

– Не тому человеку неправильный анекдот рассказал?

У Азамата было невинное хобби: он собирал анекдоты и

байки про бывшую милицию и новую полицию. Не только фольклор, больше он любил записывать реальные истории, коих немало случалось в суровой жизни оперов и участковых. Коллеги быстро пронюхали про увлечение и проявляли к нему живейший интерес. Одни угрожали Салимгарееву всеми египетскими казнями, «если вдруг что-то про меня всплывет», другие же, напротив, оказывали посильную помощь в изысканиях. И частенько в дежурке после разводов слышался дружный ржач: участковый знакомил с очередным перлом.

– Свеженькое что-нибудь есть?

– Да сколько угодно! Стажера в ППС спрашивают, почему не приходит зарплату получать. А он удивленно: «А у вас еще и зарплату выдают? А я думал, дали пистолет, и крутись, как хочешь!»

– Н-да, не первой свежести! Сто раз слышали.

– Ну, тогда вот еще: как вынести мусор, если девятый этаж и лифт не работает? Нужно оставить пакет на лестнице и сообщить в полицию о подозрительном предмете.

– Жизненно! Но как-то... не очень...

– Ну, извините, чем богаты! – уязвился Азамат. – А ты чего хотел-то? Не чай же распивать меня пригласил?

– Ты прямо на три аршина под землей видишь! – грубо подольстился Романцов. – Тут вот какое дело: на Заречной дом Тихановича помнишь?

– Естественно! Мой участок. И что там?

– Запрос пришел из Кемеровской области, из шахтоуправления. Их работник, наследовавший дом, полгода назад пропал, не вернулся из отпуска, а отпуск у нас проводил, на пугину приезжал.

– А что ж они полгода думали? Скорее всего, то, что до Каспия доплыло, уже и рыбы съели.

– Займись, будь другом! Походи там, поопрашивай! Я зашиваюсь, а начальник о-о-очень убедительно просил – заняться безотлагательно.

Они взглянули друг на друга и расхохотались.

– Ну да, ну да... «Мля, бя...»

– Примерно так.

– Есть, товарищ старший лейтенант! А благодарность будет безграничной?

Романцов порылся в нижнем ящике стола, выдернул лист с отксерокопированным рукописным текстом.

– Авансом!

– Да ты подготовился, я вижу, – усмехнулся Салимгарев. – Видать, начальник был очень убедителен! Ну-ка, ну-ка! «Объяснительная.

Я, водитель второго взвода ДПС Игнатенко В.В., четыре дня не выходил на службу, потому что моя подруга сказала, что она беременна, и я уговаривал ее сделать аборт. А потом я еще три дня пил, потому что она отказалась. Обещаю, что больше не повторится».

– Ну как? Сойдет?

– Ну, жемчужиной в моей несвежей куче не станет, конечно, – решил в отместку повыпендриваться участковый, – но на безрыбье...

Теперь уязвился Романцов и сделал вид, что пытается отнять лист.

– Ах ты! Да я тебе!.. Ты...

– Перфекционист! – пряча бумагу за спиной, услужливо подсказал Салимгареев.

– И причем – неблагодарный.

– Тему благодарности мы обсудим позже, – намекнул участковый. Про аванс – это ты сам сказал! Ну, мой жалкий жребий влечет меня к Трусову. Повлекусь...

– Сохрани тебя и помилуй! – напутствовал старший лейтенант.

* * *

Участковый, с чувством облегчения (не по поводу его фольклорных изысканий вызывал его начкадр, и не по жалобе трудящихся, а также нетрудящихся членов паствы, доверенной его присмотру и попечению, а по рабочему моменту), покинул высокие служебные стены. Он направился к себе в опорный пункт. Держа данное Игорю Романцову обещание, участковый решил сегодня же сходить на Заречную. В той стороне у него было два адреса с подучетными судимыми. Как было сказано в одном рапорте из его коллек-

ции, «ДОСЛОВНО-УСРОЧНО освободившимися». Их давно уже требовалось посетить с проверкой, а тут оказия – в послеобеденное время можно было и выкроить часик. Так сказать, полезное с приятным...

Салимгареев был уроженцем здешних мест, многих хорошо знал, с некоторыми вместе рос. Это обстоятельство, с одной стороны, во многом помогало ему в его хлопотной службе, но с другой – частенько осложняло ее.

Едва повернув за угол с Кавказской на Заречную, увидел сидящего на лавочке перед своим домом деда Федора Любимова. Если в какой-то из прошлых своих жизней довелось Федору родиться индейцем, соплеменники наверняка нарекли его – Недремлющее Око.

Направляясь к деду, Салимгареев был абсолютно уверен: если око Федора Игнатьевича Любимова полгода назад зафиксировало какое-либо событие, здравый ум и твердая память его сохранили.

– День добрый, Федор Игнатьевич! – поздоровался участковый. – Как здоровье?

– Не дождетесь! – отвечивал дед.

Октябрь в Поволжье, по обычаю, был великолепен и не наводил на ранимые души местных романтиков и лириков тоски по поводу осеннего увядания и конечности земного. Напротив, обилием солнца и буйством золотых красок как бы намекал на то, что еще не вечер, и вообще, жизнь невыносимо прекрасна!

По случаю теплого денька Федор Игнатьевич был одет легко и весьма живописно: камуфляжные штаны с застарелыми бурыми пятнами на коленях (видать, в огороде возился, грядки от ботвы зачищал), белая футболка с синей надписью на груди «Единая Россия» и ярко-оранжевая бейсболка, над козырьком которой красовались горделивые латинские буквы «Ferrari».

– Никак, политические симпатии поменял? – заинтересовался участковый, кивая на надпись на тощей груди.

– Не дождетесь! – традиционно возразил дед. И прокомментировал:

– Зинушка с «КПСС» в стирку кинула, а эту внук подогнал.

– Что сделал? – удивился Азамат, в силу специфики своей профессии знакомый как с молодежным сленгом, так и с более литературным лексиконом старожилов.

– Ну, подарил! – просветил темного мента Федор Игнатьевич. – Им на субботнике раздавали, они в этих майках деревья белили. А дочь еще и с «ЛДПР» подкинула. А на ту пятницу депутат с района обещал собрание по вопросу пенсионной реформы. Если привезет свои, желтые – будет у меня полный комплект!

– Я всегда говорил, что ты, Игнатьич, политически грамотный дед! – веселился Азамат. – «Феррари», надеюсь, не в автосалоне отбил у капиталистов?

– Так ралли через Астрахань проезжало, дочь снимала для

газеты, они там всем раздавали. Взяла как сувенир.

– И штаны с ралли?

– Штаны с зятя, раскабанел маленько.

– Ну ты и халявщик, Федор Игнатьевич! – восхитился участковый. – С миру по нитке – и в магазин за одежкой ходить не надо!

– А чего ж мне им не быть? – резонно возразил дед. – Чего добру пропадать? Ты вот взял бы да и подкинул гимнастерку какую старую или шинельку списанную – туалет посещать да кроликов кормить.

– Ага, тебе подкинь! Наденешь и всем объявишь, что ты мой внештатный сотрудник, – возразил участковый, знавший репутацию своего собеседника у жителей этих мест.

– Так ты ж ко мне подошел не как просто к деду Феде, а как, типа, к внештатному сотруднику? – ухмыльнулся дед.

Азамат расхохотался.

– Ну, в общем, в корень зришь. Помощь мне твоя нужна.

– Ну, так и начинай с этого.

Выслушав, Федор Игнатьевич подумал...

– Я тебе, конечно, расскажу, что знаю, да знаю-то я немного. Нас с Григорьевной не было дома тогда, что от людей слышали – могу сказать. Уехал Сергей в конце апреля, после майских праздников ему на работу выходить надо было, а он мужик обстоятельный. Он все просчитывал, мало ли что в дороге может случиться. Рыбы насолил, навялил, как всегда. А вот попроситься с мужиками, отвальную устроить,

как обычно бывает – не вышел. И это народу странным показалось. И ключи Кольке от дома и калитки не принес, хотя вещей не оставил и рыбу забрал.

– А они не поссорились? С Колькой-то?

– Ты что! Они как сиамские близнецы!

Азамат привычно успевал делать пометки в блокноте, чтобы потом в рутине и суете не забыть никаких важных мелочей. Дед продолжал:

– Вот куда он перед отъездом мог пойти? Ты к Черновым сходи обязательно. Колька и жене его написал, чтоб на розыск подавала.

– А что ж он так долго тянул, через полгода только написал жене?

– Ну, надеялся, видать, что как-то все образуется, выяснится. Да и с женой они уже разбежались и развестись успели, кому писать?

Скрипнула калитка и появилась Зинушка – Зинаида Григорьевна.

– А вот и дражайшая половина, – с иронией представил Игнатьевич. И обратился к ней:

– Ну, а ты по этому поводу что скажешь?

И объяснил участковому:

– Под калиткой стояла, слушала – любимое дело. Ей бы с индейцами жить – звали бы ее Большое Ухо.

Азамат закашлялся – мысли он, что ли, читает?!

– А я скажу, – не смутилась дражайшая половина, – что

еще тебе, Азаматик, надо с Ивановной потолковать, с Катей Мокровой. Это она у нас и Большое Ухо, и Зоркий Глаз.

«Стереотип мышления, однако», – сформулировал участковый, знакомый по институтскому курсу с основами психологии.

– Они с Татьяной Черновой – матерью Кольки, закадычными подругами были. У баб свои секреты, может, какой-нибудь секрет тебе и сгодится, – продолжила Григорьевна.

– Ну, так проще с самой Черновой поговорить!

– Это вряд ли... Рановато тебе за ней, да и в тех местах не тебе допросы устраивать, – эзоповским языком изъяснился дед Федор.

– Умерла, что ли?

– В том же мае и умерла, царство ей небесное, – подтвердила Григорьевна. – Тут на Николая все свалилось, беда одна не ходит.

– Бабские секреты... Бабские секреты с поисками пропавшего соседа мне вряд ли помогут. Если даже захочет она их раскрывать. Хотя... Если больше помочь некому... В каком доме она живет?

– В сорок четвертом. Или в Центре детского творчества ищи, она там работает и чаще, чем дома, обретается.

– Ну, спасибо вам, добрые люди! – сердечно поблагодарил участковый.

– Да особо-то и не за что, – кивнул Федор. – Дед-то как?

– Бегает...

– Привет передавай. Что-то давно не встречал.

– В село уехал, дочерей проведать. Спасибо, передам.

– А насчет шинельки покумекай, – подмигнул дед.

– Какой шинельки? – вскинулась Зинушка. – Что опять затеял, старый черт?

– Молчать! – призвал к порядку супруг. – Бабам слова не давали! – И, глядя вслед удалявшемуся участковому, поинтересовался:

– А с чего это ты его на Катьку навела? Она здесь с какого боку?

– А пусть! – ответствовала супруга, беспечно махнув рукой. – Она мне уже второй год голубой крокус только обещает...

Федор Игнатьевич покачал головой:

– Только обещает, говоришь? Ну-ну! Я мстю, и мстя моя страшна?

* * *

Николай Чернов – высокий крепкий мужик лет пятидесяти с хорошим хвостиком, бывший шатен, а теперь наполовину поседевший, оказался дома. Участковый заметил, конечно, что открывший на его звонок калитку хозяин непроизвольно скорчил гримасу, но особого значения этому не придал: кто же радуется неожиданному визиту представителя закона! И сейчас, судя по сменившему недовольную гримасу

скорбному выражению лица Николая, в голове его начался тяжкий мыслительный процесс: кого он обидел и насколько сильно, как давно это случилось, и сознаваться сразу или погодить пока.

Чтобы не нагнетать напряжения, Салимгареев сразу сообщил о цели своего визита. Хозяин слегка отмяк, пригласил в дом. Некая доля напряжения все же в воздухе витала довольно долго. Серые глаза Николая, кажущиеся маленькими из-за нависших мясистых век, все косились в сторону, но изредка вскидывались на незваного гостя, и Азамат слегка ежился: как бы дыру сквозную в нем не пробуравили!

Вид у хозяина был запущенный: треники с пузырями на коленях, грязноватая футболка, явственно сквозило амбре немытости, даже седина выглядела неряшливо: не благородные седины, а какая-то клокастая пегость. И в доме вроде бы убрано, полы вымыты, половики чистые, а запах пыли ощущается, воздух спертый. У Азамата жена – чистюля, помещана на влажной уборке и проветривании, а в этом доме тяжело дышалось.

В общем-то, Николай мало что добавил к тому, что рассказал Федор Игнатьевич. Да, уехал Серега не попрощавшись и не оставив ключи от дома и калитки, как было у них заведено годами. Хотя об отъезде его знали все: билет был куплен заранее, на 30 апреля, сразу после праздников ему надо было на работу выходить. То, что не попрощался – ладно, можно еще понять: как раз в этот день у супругов слу-

чился скандал, Николай... как бы это сказать... кхм – кхм...

– Рукам волю дали?

– Да... именно так... волю дал... Жена собрала вещички и ушла к дочери (это она так сказала, а на самом деле – хахаль у нее).

«Вот откуда эта запущенность, – отметил Азамат. – Мужик без женщины сирота».

Сергея, скорее всего, слышал громкие супружеские разборки и решил не мозолить глаза. Но вот почему ключи не оставил? Все эти годы Николай приглядывал за домом в отсутствие хозяина.

– Вы дружили?

– Дружили?!

Хозяин встал, вышел в соседнюю комнату, вернулся с фотоальбомом в руках. Тяжело опустился на стул, бережно вытер рукой невидимую пыль, раскрыл альбом.

– Вот, это мы с Сергеей, когда они в первый раз с матерью сюда приехали к бабке.

Два пацаненка, лет по пяти – шести, сидели на крыльце. Оба светленькие, примерно одного роста, но один – крепыш, здоровячок, загорелый, с лукавой и дерзкой мордахой, а другой – стебелек, бледное дитя Севера, засмущенный перед объективом.

Со страницы на страницу выросли и менялись мальчишки: волосы у них стали одного цвета, по интенсивности загара их было уже не отличить, да и роста они были одно-

го. И все же на всех снимках один так и оставался дерзким оторвой, атаманом, а другой – не ботаником, нет, но – ведомым, у которого амплуа по жизни – роль второго плана. Мальчишки на рыбалке, в парке на карусели, за праздничным столом... Но все фотографии были сезонными, только лето было запечатлено на них.

– А кто фотографировал?

– Мать Серого, друзья...

– Вы в компании верховодили?

– Было дело... Бабка Сереге – баба Лиза – говорила, на меня показывая: этот всегда будет зачинщиком, а Сереже всегда придется отдуваться за Колькины каверзы.

– Так и было?

– Чаще всего. Хотя рохлей Серый не был, мог и за себя, и за меня постоять, если обстоятельства требовали. Но не любил разборок и драк. У нас кликухи были – Колька Черный и Серега Белый, и мы были в авторитете.

Участковый отметил, как подрагивают руки хозяина, листавшие страницы альбома, как сел голос.

– А на снимках у вас, вроде б, волосы одного цвета.

– Да не по волосам. Я – Чернов, он – Бельцов...

– Надо же, как совпало...

– Да разве только это совпало! У нас с ним много чего в жизни совпало! Мы были братьями!

«Сиаемские близнецы», вспомнил участковый.

Голос Николая сорвался.

– Ну что уж вы так! Почему – были? Может, найдется ваш брат, в нашей жизни всякое случается.

Глаза Николая опять превратились в буравчики.

– Ты сам-то в это веришь, лейтенант?

– Раньше надо было тревогу бить, Николай Павлович!

Чернов сглотнул спазм:

– Я знаю...

– Мне нужна фотография взрослого Сергея, из самых последних.

– Взрослыми-то мы почти и не снимались, пропал интерес. Да вот, только она коллективная и мелкие мы здесь все.

– Ничего, увеличим. Что за застолье?

– Жене моей день рождения отмечали.

– А рост, вес, особые приметы какие-нибудь были у него?

– Рост почти как у меня, на три сантиметра меньше, сто восемьдесят два, значит. Вес примерно такой же, восемьдесят шесть, плюс – минус. Особые приметы... На левом виске шрам приметный – пацаны бутылками кидались, а осколок, разумеется, в Серегу влетел!

– Почему «разумеется»? Невезучий был?

– Еще какой невезучий...

Горькая ухмылка мелькнула на лице Николая.

– Про одежду ничего не знаете?

– Ничего, – качнул головой Николай.

– Ну что ж, если все так... Я бы хотел дом посмотреть.

Пока так, своим глазом, без всей мутоты с постановлениями,

следователями и прокурорами. Вы не против?

– Да я-то что? Дом не мой, смотрите. Может, толк будет.

– Тогда возьмите инструмент – замок снять. Там висячий?

– Внутренний, врезной.

– Я пока Федора Игнатьевича позову. Если потом понадобится все в протокол оформить, запишем вас понятыми. А нового замка у вас, случайно, нет?

– Висячий есть.

– Давайте висячий.

* * *

Екатерина Ивановна Мокрова, или просто Ивановна, по времени должна была быть на работе. Работа ее находилась на Заречной же, в конце улицы. Длинный одноэтажный деревянный барак, обложенный кирпичом, пересекал улицу и образовывал тупичок. В бараке располагался Центр детского творчества, а Ивановна уже без малого десятков лет занимала в нем должность технички.

Руководство Центра, в лице Риммы Ивановны Загидулловой, весьма ценило добросовестного сотрудника, днюющего и разве что не ночующего, на работе. Где в наше время найдешь техничку, которая рвется на работу, а не наоборот, исчезает, едва смочивши линолеум и помахав демонстративно лентяйкой. Поскольку Екатерина Ивановна жила рядом, она и днем частенько заскакивала проверить санитарно – гигие-

ническое состояние вверенного ей объекта.

Азамат, взглянув на часы (до вечернего приема граждан время еще оставалось), решил для очистки совести сегодня же поговорить и с Е.И. Мокровой, благо идти далеко не надо было.

Ивановна предпочитала выполнять свои должностные обязанности, то есть осуществлять основную уборку, в вечернее время: их беспокойный контингент, отзанимавшись в кружках (это после школьных-то занятий!), с дикими воплями вырывался на улицу и словно растворялся в воздухе. Руководители кружков тоже не задерживались в кабинетах – торопились по делам и домам. Никто не болтался под ногами, не топтался по вымытому полу, не бил друг друга пакетами со сменной обувью и не орал благим матом.

Сегодня, в четверг, вечерние занятия были только в двух кружках: у танцоров они заканчивались в шестнадцать тридцать, а у краеведов – в восемнадцать. До того, как уйдут танцоры, еще можно было успеть убрать пару кабинетов.

Но, положа руку на сердце, нужно заметить, что не только профессиональная добросовестность и склонность к тишине влекли женщину на любимую работу в тот час, когда там становилось малоллюдно.

Сказать, что Бог наградила ее исключительным, даже для женщины, любопытством, значило ничего не сказать. Он наградила ее в таких пропорциях, что это уже было и не любопытство, а квинтэссенция оного, со временем выкристалли-

зовавшаяся в чистую жажду познания.

Каким-то образом, при вечной женской круговерти, она почти всегда была в курсе происходящих событий, касалось ли это мировой политики, жизни шоу-бизнеса или региональных проблем. И все же более узкой специализацией Катерины Ивановны был мониторинг жизнедеятельности Заречной, улицы, на которой она родилась, и где протекла ее жизнь.

Было ли это качество ее характера положительным или отрицательным, никто бы не взялся определить. С одной стороны, блудливый мужик, которому жена предъявляла неоспоримые доказательства измены («да тебя, козла, люди видели»), даже не мучился догадками, какие конкретно люди его видели. Пара – другая семей в результате этого всевиденья рассталась.

С другой стороны, не одна легкомысленная бабенка, проведив мужа в рейс или на вахту, мысленно представляла, как ее милый друг крадучись на рассвете покидает двор, а в щель забора за этим сечет бдительная Катька Мокрова (хотя Катька, как все нормальные люди, обычно ночью спала). Прикинув последствия, означенная бабенка от свидания отказывалась, и отсутствующий супруг от рогов был спасен. Вот только в этих случаях подвиг, так сказать, оставался безымянным.

Так что Катю ни разу за многие ее годы не называли хранительницей семейного очага, доброй феей, а сплетницей и

стервой – много раз. Но переделывать себя – тяжкий труд, тем более, если у человека такое желание отсутствует. Ничего плохого в своем стремлении знать все про всех она не видела и считала делом чести быть первой среди равных.

С годами интуиция ее развилась чрезвычайно, и способность предсказать какое-либо событие в жизни какой-то семьи заранее, казалась мистической. В своем хобби Катерина Ивановна достигла необычайных высот профессионализма.

Убирая первый кабинет, мельком взглянула она в окно на еще малолюдную улицу и сделала стойку: на любимовской лавочке рядом с Федькой – ракетчиком сидел полицейский, а Зинушка подпирала плечом калитку. Женщина прикипела к окну, но тут за спиной ее раздался голосок Юлечки – хореографа, которая убедительно просила произвести уборку в каморке, где хранились танцевальные костюмы. Добрые полчаса немножко гундосенькая Юлия Витальевна излагала Екатерине Ивановне свое видение процесса, а, главное, результата уборки. Пританцовывающая от нетерпения Ивановна клялась страшными клятвами сделать все сегодня же и именно так, как хотелось Юлии Витальевне («да уйдешь ты, наконец!», «такая молодая – и такая зануда!»). Наконец, Юлечку унесло, но обернувшись к возжеленному окну наблюдательница никого уже не увидела: объекты скрылись.

Наполовину управившись со своими обязанностями и проведив танцоров, Катерина Ивановна сочла, что заслужила небольшой перерыв перед последним рывком. Краеведы

ушли вместе с танцорами – у них в плане значилась пешеходная экскурсия в центр города, в Братский сад к Вечному огню.

Подтащив к окну банкетку, Ивановна сбегала в кружок «Юный патриот», ранее носивший куда менее пафосное название: кабинет начальной военной подготовки. Достала ключ от замка, что висел на шкафе с муляжами автоматов, гранат и прочей военной бутафории, а также «ружьями» – пятью старыми пневматическими винтовками – открыла шкаф и вытащила бинокль.

Ничего шибко криминального в ее поступке не было. По-тайное место для ключа они с руководителем кружка искали вместе, поскольку хоть изредка протирать от пыли весь этот арсенал приходилось ей.

И все же, техничка таилась и прислушивалась к любым посторонним шумам. Если бы кто-то ненароком застал ее сейчас за этим невинным занятием, это стало бы жестоким ударом по самолюбию, поскольку отчасти раскрыло бы секрет ее осведомленности.

Бинокль был настоящий, армейский. Поудобнее устроившись на банкетке, Ивановна вперила взор в происходящее за окном. Пока что там ничего особенного не происходило: жизнь родной улицы текла вяло, было малоллюдно и тихо.

В свои шестьдесят пять Катерина Ивановна слабостью зрения не страдала и прекрасно обходилась без очков, тем более, что ни читать, ни вязать не любила. Но иногда в жиз-

ни Заречной случались какие-то события, возникали некие коллизии, которые невооруженным взглядом отследить было невозможно. По разным причинам – из-за дальности ли расстояния, из-за большого ли количества участников, когда за всеми не уследишь, или если участники стояли полуанфас – без бинокля было не обойтись.

С ним, хотя услышать что-то было все так же невозможно, увидеть можно было все до мельчайших деталей. Со временем Ивановна даже немножко читать по губам научилась. И мечтала, что доживет до того времени, когда в широкой продаже появятся слуховые бинокли. Тогда уж ни одна зараза не скажет ей с чувством превосходства: «Слышала звон, да не знаешь, где он!».

Правда, слышать подобное ей приходилось крайне редко. Как бы там ни было, а по части информированности – на Заречной равных ей нет. За это она и любила свою работу – за широкие окна с великолепным обзором, за возможность использовать технические достижения, чтобы держать руку на пульсе бытия. И при этом соблюдая инкогнито.

Опустив бинокль, Ивановна уже хотела идти заканчивать уборку, как увидела, что из калитки черновского дома вышел полицейский, который давеча сидел на лавочке со стариками Любимовыми. Натренированным движением вновь поднесла она бинокль к глазам: с Колькой прощался их участковый – сын ее бывшего одноклассника Халита Салимгареева.

– Так-так-так! – вибрирующим от предчувствия неких грядущих событий голосом сказала себе Екатерина Ивановна Мокрова. – И что бы это значило?

Наблюдая в бинокль за шагающим вдоль улицы участковым, она пыталась определить причину его появления в их краях. Десяток версий вихрем возник у нее в голове, но с железной, поистине мужской, логикой, одну за другой Ивановна их отметала.

Колькин внучок что-то натворил?.. Но с чего бы участковому приходиться к деду, а не к матери? Заловил Кольку Рыбнадзор за сетки-«телевизоры»?.. Ну, по такому поводу по домам тоже не ходят, платит неудачливый рыбак штраф или на месте, или в Сбербанке, и все дела. К самым злостным – и то, не участковый, а судебный пристав придет.

Может, донес кто, что Колек «краснухой», осетриной то есть, промышляет? Так он уже ею сто лет как не промышляет. Да и когда промышлял, масштабы у него были не те, чтобы сейчас огород городить.

Может, Галька на развод подала?.. Но опять же, при чем здесь участковый? Однако, долго он у Чернова сидел, это когда еще он от Любимовых ушел! Так... От Любимовых... А от них-то чего ему надо было?!

Вдруг Ивановна сообразила, что Салимгареев-то к ним, в ЦДТ, направляется! Быстрой ланью метнулась она к шкафу, сунула бинокль на место. Успела и шкаф запереть, и ключ на место положить, и из кабинета выскочить.

К появлению участкового Катерина Ивановна была подготовлена, в отличие от Николая, но вид у нее, на всякий случай, был не менее удивленный.

– А что это ты, Азамат, к нам поздненько? Риммы Ивановны нет. Никак, кто из наших архаровцев чего-то натворил?

Когда участковый уже в третий раз изложил причину своего появления в зареченских краях, у Ивановны произвольно вырвалось:

– Ну, получишь ты у меня крокус!

– Что? – не понял Азамат.

– Да нет, сынок, это ты не слушай. Это я себе: крокус полить забыла! – вслух сказала Катерина Ивановна, а про себя подумала: «Ну, Зинушка, я тебе это припомню!»!

Салимгареев в который раз подивился извилистым тропинкам, по которым плутает женская логика.

Сергей Бельцов своим таинственным отъездом, сам того не подозревая, нанес серьезный ущерб ее репутации. Катерина Ивановна как всякий любящий землю человек еле могла дожждаться весны, и, что называется, дорывалась до огородных работ, которые в артюховском южном климате в апреле уже шли вовсю. Результатом ее активности стал радикулит. Несколько дней, как раз накануне майских праздников, обклеенная перцовым пластырем и обмотанная шерстяным платком, лежала она бревном и тихонько поскуливала то ли от боли, то ли от вынужденной изоляции.

Естественно, этот временной пласт выпал из ее жизни.

Когда в дальнейшем на вечерних посиделках изредка возникла тема странного отъезда Сергея Бельцова, Ивановна сидела – ни бэ, ни мэ, ни кукареку.

Всякий раз она воспринимала это как выпад в ее лично адрес. Строить догадки и выдвигать версии, ни на чем не основанные, как остальные-прочие, она считала для себя унижительным. Это занятие для сплетниц, не ее уровень.

Со временем тема возникала все реже, текущие животрепещущие события заслоняли прошедшие, и приободрившаяся баба Катя уже начинала надеяться, что этот черный этап ее жизни время сотрет в людской памяти. Нет же! Зинка не просто сыпанула соли на затянувшуюся рану, она продемонстрировала ее несостоятельность перед представителем закона, хоть бы и был этот представитель Азаматкой Салимгареевым, сыном ее одноклассника Халита!

Стараясь соблюсти лицо, Катерина Ивановна вынуждена была признаться участковому, что в данном конкретном случае она – пас. Расстались они во взаимном недовольстве: участковый был недоволен тем, что пошел по ложному следу и зря потерял время, а Ивановна горестно подытожила, что вся жизнь может быть прожита безупречно, но стоит один раз оступиться – и это перечеркнет заработанный многолетними трудами авторитет.

Участковый, спешащий на вечерний прием граждан, как-то в ту минуту выпустил из вида слова Зинаиды Григорьевны о бабских секретах, да и особого значения им не придал. Тем

более, что одна из «баб» уже умерла, и случилось это почти в то же время, как исчез Бельцов.

А погруженной в пучину комплексов Катерине Ивановне не пришло в голову, что у четко сформулированной участковым темы есть подтемы, и осветить их было вполне в ее компетенции.

* * *

На следующий день Азамат сообщил Романцову о проведенных розыскных мероприятиях и подвел итог: пустышка.

– А как тебе Чернов показался?

– Диковатый, я бы даже сказал, звероватый мужик. Запущенный какой-то, но ему крепко досталось: в один месяц – жена ушла к другому, мать схоронил, и тут выяснилось, что друг – он его братом называет – исчез. Розыск-то с его письма бывшей жене Бельцова начался.

– Ничего не значит. Уж очень долго собирался.

– Я же говорю: беда за бедой. У него руки тряслись, когда их детский альбом показывал, а раз не сдержался – заплакал.

– Не артист?

– Так не сыграешь... Во всяком случае, не он.

– Глуповат или простоват? – улыбнулся Романцов.

– Да вроде бы и не прост... Прямоват.

– А приметы выяснил?

– Обижаеть!

– Ну, в общем, совпадает с теми, что в ориентировке... Буду посылать запрос в область, на предмет неопознанных. Спасибо тебе ментовское и человеческое!

– И это все? – горестно воскликнул Азамат.

– Твое корыстолюбие тебя погубит! – патетически воскликнул Романцов, протягивая Азамату тощенькую стопочку отксерокопированных листочков – объяснительные, протоколы задержаний, заявления тех коллег и соратников, которые, как говорится, университетов не заканчивали и тонкостями русской грамматики не владели.

– На, у труповской секретарши вымолил. Только чтобы без фамилий, имей в виду!

– Не первый день замужем!

Участковый бегло пролистал тонкую стопочку.

– Вот это – прямо-таки неплохо... «Рапорт. Сообщаю, что 13 сентября сего года нами был задержан и доставлен в отделение Николаев В.И., где и сознался. Старший патруля ППС Рахимов».

– Сочлись?

– Ну, будем так считать!

Все только начинается

– Как вы полагаете, дамы, по какому поводу мы сегодня собрались? Что вам подсказывает интуиция?

Непривычно выглядела сегодня Зоя Васильевна: была она торжественна, даже величава. Так женщина, не часто балующая себя, выйдя впервые на улицу в обновке, вдруг каким-то чудом преобразается и ловит на себе заинтересованные взгляды. Она уже не ищет что-то у себя под ногами, уже не сутулится, не спотыкается, а выступает, павой плывет. И

она уже – не замученная жизнью тетка, а женщина с изюминкой, женщина-тайна (откуда что взялось?) Вот и в неприметной Зое Васильевне вдруг проглянули значительность и загадочность.

Три дамы, собравшиеся за накрытым скромной снедью журнальным столиком, пребывали в том возрасте, когда у женщины в сумочке появляются две косметички. В одной все еще обретается минимальный набор косметики, а другая заполнена гораздо более широким ассортиментом лекарств.

Две дамы были просто приятными. Одна – миниатюрная полуседая брюнетка (про таких говорят, что маленькая собачка до смерти щенок) – гостья. Вторая – средней полноты и среднего же роста шатенка, – хозяйка. Третья, тоже гостья, была дамой, приятной во всех отношениях. Экс-блондинка, а ныне – натуральной благородной седины, статная, хотя и весьма в теле, она принадлежала к породе женщин, для которых подруги всегда лишь фон, вне зависимости от возраста.

– Вам выдали премию! – пошла самым легким путем прагматик Людмила Петровна – миниатюрная брюнетка Люся.

– Выделили пригласительные на открытие музыкального театра! – рискнула предположить приятная во всех отношениях Людмила Ивановна, Мила – романтик по духу.

– Да ну! – пренебрежительный жест Зои Васильевны родил в головах подруг одинаковый эпитет: королевский!

– Ну... тогда... – фантазия подруг была на грани истощения.

– Ты познакомилась с мужиком! – осенило Людмилу Ивановну.

– Этот случай всех злее! – саркастически усмехнулась Зоя Васильевна.

– Кто бы сомневался! Милка в своем репертуаре! – поддержала Людмила Петровна, чтобы скрыть отсутствие собственных идей.

– Тогда, тогда... Может быть, тебе, наконец, выделили путевку в санаторий?.. – рискнула еще раз Людмила Ивановна.

– Девочки, есть ли предел вашей наивности? – матерински пожурила подруг Зоя Васильевна. – Не то!.. Сегодня я имела беседу с любимой начальницей... С понедельника я – вольная птица! То есть, вольная пенсионерка! И я хочу сказать тост. Давайте выпьем за завершение моей трудовой деятельности, за это сладкое слово – свобода, за то, что все в моей жизни только начинается!

В голосе ее звучали горловые переливы: так воркует голубь, нарезая круги вокруг своей голубки, таким голосом разговаривают с клиентами девушки из службы «Секс по телефону», такие модуляции появлялись у Людмилы Ивановны, когда на ее горизонте начинал маячить очередной «крендель». Ах, если бы в эту минуту шестое чувство подсказало Зое Васильевне, как она близка к истине!

«Девочки» сверлили ораторшу взглядами, пытаясь понять: Зайка лукавит и просто хорохорится или в самом деле радуется своему освобождению. Уйти с работы оконча-

тельно и без предварительной моральной подготовки – раз и навсегда – это все-таки травма. Хотя большинство понимает, что это событие никого не минует, но понимает только теоретически. А в Зоинном случае уж слишком скоро все свершилось, и неожиданно-негаданно. Как говорится, ничто не предвещало, тем более, что Зоя Васильевна была у руководства на хорошем счету.

– «Однако, хорошо держится», – думали подруги.

Пока Зоя Васильевна разливалась соловьем, коллектив терпеливо внимал, исподтишка бросая взгляды на журнальный столик. Зоя была слишком многословна, и это наводило на мысль об ее неискренности. Длинные речи в коллективе не были в ходу. Правда, их подруга всегда была слегка склонна к патетике, а еще – к цитированию великих. Многолетнее общение с русской и зарубежной классикой на библиотечном поприще (последние полтора десятка лет в качестве заведующей филиалом, то бишь, библиотекой микрорайона), сформировало ее речевой стиль.

– И тебе подписали заявление? И без отработки – вызвали, попросили, убедили? Вот так, сразу – под зад коленом? – снизив градус торжественности, прервала Людмила Петровна (дипломатичность не шла первым номером в списке ее достоинств).

– Ну почему – «сразу»? – слегка увяла Зоя Васильевна. – Три года я все-таки проработала после оформления на пенсию. А если подойти по-человечески... У меня хоть неболь-

шая, но руководящая должность, надо давать дорогу молодым. У Валентины-то – дело к пенсии, а мой оклад побольше. И ей еще и сына надо доучивать...

– А перевести тебя на не руководящую должность?..

– В нашей библиотеке нет вакансий, а в другую я не согласилась.

– А на место Валентины?

– Варя.

– На место Вари?

– Год уже в гардеробе выпускница библиотечного колледжа сидит, места ждет.

– Ротация, как в Госдуме? – съязвила Людмила Ивановна.

– Ясно. Выдавили-таки, молодые сучки! – резюмировала бескомпромиссная Люся.

«Молодые сучки» в библиотеках, справедливости ради надо заметить, процентов на шестьдесят пребывают в предпенсионном и постпенсионном возрасте, держась за работу кто – из любви, кто – по привычке, кто – из меркантильных житейских соображений.

– «Не понимаем мы, и где же нам понять, что этот мир кончается не нами», – поделилась Зоя Васильевна с подругами мнением Н.А. Некрасова, правда, высказанному им по несколько иному поводу. Она-то умела понимать тонкие намеки руководства на толстые обстоятельства и входить в чужое положение. И всегда с большим трудом потом из этого положения выходила.

– Чья бы корова мычала! – адресовалась Мила к Людмиле Петровне, желая приободрить Зайку. – Зайке хоть три года после пенсии дали поработать, а тебя, Люся, вытряхнули безо всякой базы!

– Девочки! Был тост!

Осушили по первой, закусили, кто чем предпочел.

– Ну ладно, чему быть – того не миновать, – констатировала Людмила Ивановна. – Как жить теперь будем?

– Ну как... Летом и дома работы хватает, а на зиму что-нибудь буду подыскивать, вахтером или дежурить где-нибудь.

– А оно тебе надо?

– Так библиотечная пенсия – кот наплакал. И скучно станет.

– А вахтером – весело? – Люся все никак не выходила из раздраженного состояния.

– Посмотрим, уйдешь ли ты сама на пенсию, когда срок придет! – одернула ее Мила. – И много ли Зайке надо? Я же живу на пенсию. Кто не работает – тот ест по мере возможностей!

– А может, и не буду подыскивать... К хорошему быстро привыкаешь. Начну жить, как говорится, для себя. Многие ведь об этом только мечтают. Подольше посплю утром... А еще, говорят, пенсионный фонд кружки организовал – танцы, английский, изучение компьютера...

– Надежда – мой компас земной! – насмешливо сказала

Людмила Петровна. – Неужели запишешься?

– А что? Запишусь!

– И будешь ходить?

– Почему бы и нет?

– Регулярно?

– Ну... по возможности.

– Вот-вот! Раза три, от силы, сходишь, а потом начнут возникать всякие-разные причины не ходить. Объективные, причем!

– Умеешь ты, Люся, подбодрить!

– Надо смотреть правде в глаза.

– Девочки, ну давайте уже про хорошее!

– Ну, давайте! – вздохнула Люся.

– Я всегда мечтала так жить, чтобы хотя бы раз в два месяца – сходить в музей, – озвучила первый пункт плана грядущей новой жизни Зоя Васильевна. – Их, правда, в нашем Артюховске немного, но примерно на год-полтора хватит. А там поглядим.

– Если доживем!

– Типун тебе, Люська, на язык! Что ж ты сегодня злая такая?

– А еще всякие приезжие выставки-экспозиции, – продолжила Зоя Васильевна. – Но лучше один раз – музей, другой – театр. Хотя... Это ж никакой пенсии не хватит – шесть раз в год по театрам да музеям шастать!

– Ну, по возможности! – тут же сделала шаг назад тяжелая

на подъем Мила. – Хотя бы раз в три месяца... или четыре...

– В пять, в шесть... – передразнила зловредная Люся.

– Вторым пунктом – театр, хотя бы раз в сезон, – поспешила продолжить неумолимая Зоя. – Ну, уж если что-то там такое – этакое особенное, можно сверх плана.

Подруги не возражали, чтобы дополнительно не травмировать Зою.

– Третьим пунктом я предлагаю – прогулки. В любую погоду! Минимум час! – вдохновенно вещала Зоя Васильевна. – Хорошо бы – час утром и час вечером, да я же вас знаю! У одной – интересненькое по телевизору, у другой – огород.

– А у тебя – телевизор, огород да еще компьютер!

Зое Васильевне сын не так давно подарил свой старый компьютер, и она по учебникам и с помощью телефонных консультаций сына начинала постигать компьютерную грамоту. Дело двигалось туго, но азы Зоей постепенно осваивались. Когда подруги, нахватавшиеся в телевизоре компьютерной терминологии, не имея при этом никакой практики, называли ее чайником, они не иронизировали: в их тоне звучало искреннее уважение.

– Я даже не чайник, – говорила – воплощенная скромность – Зоя Васильевна. Я – кастрюля с носом.

При этом заслуженная гордость так и перла из нее.

– А у вас – внуки! – не осталась в долгу Зоя Васильевна.

Это был удар ниже пояса, впрочем, тема больная для всех трех бабушек. Внуки были де-юре, а де-факто как бы и нет.

Подруги закручинились...

– Ну ладно, девочки, за исполнение желаний, или, как говорит одна моя молодая коллега, за сбычу мечт! Чокнемся!

Чокнулись.

– Может, кто-то желает высказаться? – спохватилась Зоя Васильевна.

– Про мечты? – ухмыльнулась Людмила Петровна. – Эх, куда тебя сегодня заносит!

– А что? – не согласилась Зоя Васильевна. – Кто-то сказал: мечты – самый дешевый способ исполнения желаний. Вот ты же мечтаешь в Черногории побывать? Ты же там никогда не бывала!

– Мало ли где я не бывала! Как и вы...

– Ну так если мечтать, так уж ни в чем себе не отказывать!

– Тоже кто-то сказал?

– Кажется, – засомневалась Зоя.

– Ну что ж... Исключая Черногорию...

– Нет уж, не будем исключать Черногорию!

– Уговорили! Раз пошла такая пьянка... Итак, съездить в Черногорию! А еще... Конечно, в молодости о чем только не мечталось! А сейчас... Мечта у меня, как у всех: чтоб дети и внуки были здоровы, чтоб никакой беды с ними не стряслось.

– И чтобы не было войны!

– А я, – слегка засмузилась Людмила Ивановна – только, девочки, не смейтесь, я мечтаю, чтоб каким-нибудь чудом

у нас появился общий дом, где мы бы втроем жили: я бы финансами заведовала, Люська готовила, Зайка убирала, – и, увидев ухмылки на лицах подруг, – подкорректировала свою мечту на ходу:

– Ну, нет, это, конечно, в общем и целом, мы бы все делали по очереди! Полная взаимозаменяемость!

– Зайка, а ты-то? Озвучь свою мечту!

Зоя Васильевна на краткий миг задумалась.

– Наверное, я бы все-таки хотела еще поработать... Но – на какой-нибудь совсем новой, интересной-интересной работе!

– Да уж, не вахтером!

– Но это уж и в самом деле несбыточная мечта – в моем-то возрасте!

– Давайте, девочки, под Новый год все же загадаем эти наши несбыточные мечты! Бумажки сожжем и пепел с шампанским выпьем!

– Ну, до Нового года еще далеко!

– Ничего не далеко! Не заметим, как подберется!

– Ну ладно! Давайте вернемся к нашим баранам!

– Что-то мне подсказывает, что третий пункт нашего плана нереален, – засомневалась Зоя Васильевна. – Прогулки каждый день да еще два раза в день? Это придется таскать для Милки табуретку – для привалов!

– Кстати, о табуретках, включилась Людмила Ивановна, поглаживая начинавшее к вечеру зудеть колено. – Наверно,

погода будет меняться. Ничего не слышали? Давайте уже по третьей и – чаек.

– Частишь, подруга! Насилие над организмом, – возразила Людмила Петровна.

– Так давайте уже свершим насилие: нога моя намекает, что нам с ней еще ползти.

– Ну, давайте уже – за любовь!

Зоя Васильевна пошла ставить чайник.

Перед чаем был еще один тост – «по единой, да не по последней». Надо заметить, что с годами у подруг образовался список активно употребляемых тостов, но он не был какой-то закостеневшей схемой. Что-то отсеивалось, не выдержав проверки временем, какой-нибудь тост-однодневка утрачивал актуальность, а что-то подслушанное звучало так симпатично, что, будучи включенным в список на потребу дня, в нем задерживалось, закреплялось, укоренялось.

Так покинул список «Будем здоровы, боярыни!», когда на очередные рождественские каникулы в очередной раз по телевизору показали бессмертного «Ивана Васильевича».

– Осточертело – прокомментировала Людмила Ивановна.

Так почил в бозе «За то, чтобы все!..» незабвенного Шарикова, отпугнув какой-то невнятной философией.

Не прижился и тост, от которого долгое время фанатело все женское население страны: «Пусть плачут те, кому мы не достались, пусть сдохнет тот, кто нас не захотел!»

Были в списке образцы, к которым каждый член их триум-

вирата испытывал слабость, несмотря на их незатейливость и непритязательность. Так, худенькая Люся иногда позволяла себе пожелать:

– За то, чтоб мы стали толстыми и красивыми!

Мила изредка использовала такой:

– За то, чтобы не было катаклизмов! – причем почему-то настаивала на употреблении слова «катаклизм» в женском роде. Вот так: «За то, чтобы не было никакой катаклизмы!»

Только так, она полагала, слово наполнялось особой экспрессией.

Пока вскипал чайник, дамы спели:

Берега как крутые,
Петухи на них поют,
Как хозяева скупые —
Водка есть, не подают...

Завершился вечер чаепитием, затем следовал ритуал провожания. Людмилу Ивановну довели, как обычно, до магазина «Водолей», дальше был уложен асфальт и вдоль дороги выстроились фонари. Они хоть и горели через один, риск споткнуться сводился к минимуму.

Оставшиеся члены коллектива расставались по-честному, без обид: на перекрестке, а дальше поодиночке шли к своим очагам.

И завершился этот знаменательный день благополучно. Добравшись до своих обиталищ, подруги отзвонились, доло-

жив друг другу, что дома и все благополучно. Закончили вечер, сообразно своим склонностям и потребностям.

Людмила Ивановна, попив минералки (желудок пошаливал), села пообщаться с рыбками («соскучились по маме, сладкие мои?»). В десятиведерном аквариуме когда-то обитало их великое множество, и плебеев-гуппи, и более благородных – сомиков, скалярий, моллинезий. Теперь там плавало лишь десятка полтора гуппи и неонов.

Людмила Ивановна, как всякий нормальный человек, любила природу во всех ее ипостасях, а жизнь в пятиэтажном муравейнике еще усугубила эту любовь. Подоконники у нее были плотно заставлены цветами, в квартире постоянно проживал кто-то из братьев наших меньших.

Так однажды появился в ее доме рыжий персидский кот Чубайсик. Когда подружки узнали, какую сумму отстегнула Мила за котенка, они только покрутили пальцем у виска. Между тем, сумма была сравнительно небольшой, потому как Чубайсик не имел паспорта с родословной, хотя продавец клялся и божился, что в роду у него – сплошь чемпионы.

Для Людмилы Ивановны не имело никакого значения, по какой причине выбраковано это чудо – полукровка он или не соответствует высоким стандартам. Она влюбилась в него с первого взгляда. Ее практичные подружки хоть и крутили пальцами у висков, приходя в гости, вырывали Чубайсика друг у друга из рук, как и иногда навещавшие бабушку Милу дети племянницы.

Если бы социологам пришла в голову мысль провести опрос среди артюховцев на предмет самых популярных кошачьих имен за последние пару десятков лет, картина нарисовалась бы такая: девочек называли преимущественно Машеньками и Ксюшками, а вот мальчиков – Борисками, Степашками, Чубайсами. И объяснялось это не только наличием свистящего «с». Факт свидетельствовал о крайней политизированности артюховского населения за истекший период.

Что характерно: Бориски были разных мастей, Степашки – блондинами, рыжие, естественно, Чубайсами. Так что Чубайстик был обречен на свою кличку, хотя был он не ярко-рыжего насыщенного цвета, а нежно-пегого, цвета молодого теленочка.

Котенок уже обжился в новом доме, превратился в подростка, как явились, чуть не со слезами, племянница Лиля с мужем. Дети, Рита и Костик, канючили ежедневно, вымаливая покупку персонального Чубайсика. Финансовых же возможностей семья не имела.

Пошли на компромисс. В доме появился говорящий волнистый попугайчик, как нетрудно догадаться – Кеша. Хозяин уверял, что у Кеша богатый словарный запас. Все были счастливы, пока Кеша осваивался в новой обстановке, но когда, освоившись, попугай начал свой запас демонстрировать, родители схватились за голову. Он, однозначно, взрастал в неблагополучной среде: слова в Кешинем багаже преобладали нецензурные.

Вскоре в дом последовало нашествие друзей и одноклассников: посмотреть на диковину, а главное, ее послушать, хотели все. Тем более, что родители Риты и Костика днем трудились. Вскоре родители стали замечать, что у попугайчика в лексиконе появились новые слова, еще похлеще прежних.

Необходимо было принимать радикальные меры. Самым разумным, как решили Лиля с мужем, был временный обмен с тетей Милой: дети легче перенесут расставание с Кешей, если его заменит Чубайсик.

– Временно!!! – поспешили заметить отчаявшиеся родители, увидев вытянувшееся лицо тети Милы и услышав рвущиеся из горла звуки протеста. Авось, Кеша, побывав какое-то время в приличном обществе, станет реже употреблять ругательства, а там и совсем их забудет.

Блюдя собственный интерес, племянница с мужем лукавили и хорошо подготовились: на каждый аргумент неподготовленной Людмилы Ивановны следовал убедительный контраргумент. Родственный обмен (как и в большинстве случаев, неравноценный) состоялся.

Потосковав какое-то время, Людмила Ивановна примирилась с воцарением в ее жилище попугая и начала к нему привыкать: Кеша был испорченным, но очаровательным нахалом, а ругательства она старалась просто пропускать мимо ушей.

Раздражали, правда, его манеры: когда случались у них с подружками застолья, Кеша, посаженный в клетку, даже под

накинутым на клетку платком, не успокаивался. Видимо, у прежнего хозяина в его компаниях он был равноправным партнером.

Утомившись от воплей попугая, хозяйка отменяла его изоляцию. Неторопливо выйдя из клетки с видом победителя, взъерошенный Кеша приводил себя в порядок, вспархивал на стол и требовал:

– Жр-р-рать!

Затем устраивалось показательное выступление. Он ходил между тарелками и рюмками и всюду совал клюв. Ему было без разницы, что налито в рюмки, фужеры, чашки: он дегустировал все. В еде же был переборчив: что-то выплевывал прямо на стол, куда попадет, а что-то – вспорхнув на сервант или шифоньер – бросал на пол. В комментариях не стеснялся:

– Дер-р-рьмо!

Людмила Ивановна обижалась всерьез, из трех подруг готовила она лучше всех. Когда Кеша, всего напробовавшись, слишком наглел и окончательно терял чувство меры, она умудрялась схватить его и швырнуть со стола. Кеша, плавно приземлившись на палас, изрекал:

– Дурра! – или запускал вовсе непристойную матерную тираду.

Довольно скоро Мила привязалась к новому питомцу, и жили они в согласии, хотя время шло, а обращение в приличном обществе ни Кешин лексикон, ни дурные манеры не

улучшило. Особенно умиляла новую хозяйку симпатия Кеша к рыбкам. Он усаживался на пластмассовую перекладчину, к которой крепился компрессор, и подолгу сидел, любуясь подводным миром. Любопытные рыбки подплывали к самой поверхности воды и тоже пялились на Кешу.

Вдруг, возвращаясь с работы, Людмила Ивановна стала обнаруживать на паласе дохлых рыб, каждый день по одной, причем это были рыбки из недешевых, крупные, яркие – вуалехвосты, телескопы, гурами. Она знала, конечно, что киты или, скажем, дельфины выбрасываются на берег, так то – в морях и океанах. Про аквариумных рыб ничего подобного она не слышала.

Она поменяла воду, промыла аквариумную растительность и мебель – самоубийства продолжались. Но тут как-то она загрипповала. Почти весь день, наглотавшись лекарств, провалялась на диване в полудреме. Кеша, медитировавший над аквариумом, периодически поглядывал на недвижимую хозяйку, потом, видимо, утратил бдительность.

Очнувшись в очередной раз, Людмила Ивановна успела увидеть, как Кеша молниеносным натренированным движением выхватывает из воды рыбку и, вспорхнув, выплевывает ее на пол.

– Кеша! – засипела враз потерявшая голос Людмила Ивановна. – Сволочь! Маньяк!

Спавшийся Кеша вспорхнул на антресоль, куда Людмиле Ивановне было так сразу не дотянуться, и провел там

остаток дня. И слава Богу, иначе разъяренная хозяйка его изувечила бы! Ну, то есть, выбросила бы в форточку.

Мила пыталась реанимировать последнего вуалехвоста, пересадила в отдельный маленький аквариум. Тщетно! Вуалехвост всплыл кверху брюхом.

Кеша понимал, что на сей раз он облажался по-крупному, и с рук ему это не сойдет. Он был прав. Утром Мила нашла его в незапертой клетке, сидел он паинька-паинькой, не верещал, требуя еды и свободы. Все было напрасно! Тот факт, что лексикон попугая ей исправить не удастся, она давно осознала, но мириться с садистскими наклонностями и лицемерием Кеши не могла.

– Как я могу теперь тебе доверять? – трагически вопрошала у него Мила, как у неверного супруга, изменившего впервые.

Участь Кеши была решена.

– Отдай его своему Гарику, – сказала она Людмиле Петровне. – Два сапога пара! Будут вместе пить и материться.

– А как же Чубайсик?

– Должна же я компенсировать детям Кешу! – знаменитое чувство справедливости Людмилы Ивановны восторжествовало и в этой ситуации.

* * *

Людмила Петровна, вернувшись домой, заварила пакетик

«Принцессы Нури», раскрыла «Жизнь после смерти» Моуди и села караулить момент, когда ее трехцветная кошка Ксюня утомится скрываться под диваном и вылезет на свет божий, водички попить, к примеру.

Дело было в том, что у красавицы Ксюни с возрастом характер становился все более сложным. Когда она из подросткового возраста перешагнула в юность, Люся не стала ее стерилизовать. У Люси имелось несколько незыблемых принципов, и смысл одного из них был таков: каждая женщина имеет право на материнское счастье. Ксюня своим правом пользовалась сполна, и в иные годы по три раза за год обретала материнское счастье.

По молодости Ксюня, когда наступал час X, как и большинство ее соплеменниц, осуществляла свое право на материнство на природе. С возрастом она пристрастилась к комфорту, и чем ближе был момент появления на свет котят, тем труднее стало выгонять ее на променаж. Ксюня опасалась преждевременных родов на улице, в антисанитарных условиях. Днем она спала на диване, а с приближением вечера пряталась в укромные уголки, в надежде, что про нее забудут.

Иногда такое случалось. Но среди ночи или ближе к утру физиологическая потребность выгоняла Ксюню из-за шкафа или из-под дивана и гнала к двери. Сначала, стесняясь, она мявкала изредка и полушепотом, но потребность становилась все насущнее, и Ксюня гнусным голосом орала непре-

рывно, пока вынырнувшая из сна хозяйка не вылетала на ее вопли в холодный коридор, чтобы выпустить эту дрянь на улицу.

... А Зоя Васильевна, перебив посуду, почти час делилась впечатлениями с молодой коллегой, с которой приятельствовала, о недавно пережитом. У них это называлось «потрындеть».

– Ну, ходила на УЗИ?

– Сходила. Опять пацан!

– Расстраиваешься?

– Расстраиваюсь, конечно, девочку хотели.

– Ничего, третьего родите!

– Нет, не умеете вы утешить, Зоя Васильевна. Мишка мой лучше утешает.

– А он как утешает?

– Он говорит: «Ну что ты, мама, расстраиваешься! У меня в «киндерах» тоже редко попадается то, что я хочу. Я же не расстраиваюсь!».

* * *

...И ночь тоже прошла спокойно. Нога Людмилы Ивановны дала ей поспать, не пел до полуночи «козлетоном», как говорила обозленная Людмила Петровна, за стенкой ее сосед-алкоголик Гарик (домик Люси был на два хозяина и с соседями ей очень не везло). Утомились, наконец, и утихли

мысли Зои Васильевны о том, как она будет жить дальше на одну пенсию.

Спали подруги и не знали – не ведали, что заскучавшая фортуна решила взбодриться, пошалить, и почему-то выбрала объектом своих шалостей трех безобидных и безвредных подруг – Милу, Люсю и Зою.

Немного о женской дружбе

Людмила Петровна

Когда судьба решила подружить двух Людмил, она, видимо, действовала по тому же принципу, по которому Бог супружеские пары сводит: и внешне – «красавица и чудовище», и в характерах – полное несовпадение, и по части интеллекта – одного явно обделил в пользу другого, а вот, поди ж ты, живут, и, порой, даже очень неплохо живут.

Людмила Петровна отродясь была Люськой, как Людмила Ивановна – Милой: маленькая, тощая, шустрая, смуглая – ее бы Галей нужно было назвать, Галчонком. Выросла – стала миниатюрной изящной брюнеточкой, отнюдь не красавица, но с изюминкой. Муж ей достался – по нынешним языковым шаблонам – звезда школы: красавец, спортсмен! Естественно, комсомолец – как же иначе в то время, и, более того, – комсорг класса! Но все это было позже.

«Достался» – все тот же случай, когда Бог пары сводит. Это была любовь с первого взгляда и с первого класса, «солнечный удар», только семилетние Люся и Толик тогда ничего этого не знали, и, по причине малолетства, ни о чем не догадывались. А вот к классу шестому кое-какие мысли стали у

них пробуждаться, и, как только разрешили сидеть за партой кто с кем хочет, ни у девичьей, ни у мальчишечьей половины класса даже сомнений не возникло, кто станет соседом по парте этих двоих. Тогда это называлось «нравиться» или – «бегать». Толик «бегал» за Люсей. И как они однажды сели вдвоем, так до одиннадцатого класса и просидели.

Кто кому помогал в учебе – неизвестно, головки у обоих были светлые, в библиотеку они ходили вместе и сидели в читальном зале часами (может, просто продлевали возможность побыть вдвоем). Одноклассники, привыкнув к этим неразлучникам, смотрели на ситуацию их глазами: принцесса Люся и ее вассал, верный рыцарь Толик. Девочки даже попыток пококетничать с ним не предпринимали, хотя Толик с младых ногтей был высок, хорош собой, спортивен (баскетболист, волейболист), а Люся росла серым воробышком. Когда пришла ее пора расцвета, в красавицу она не превратилась, стала просто симпатичной девушкой. Закончился школьный роман свадьбой, но до этого были попытки поступить в вузы: Толика – в военное училище, куда он не поступил, попытка же Люси была успешной – она стала студенткой физмата Астраханского пединститута и отучилась два курса, пока Толик служил в пограничных войсках, и еще курс, пока не ушла в декретный отпуск.

Года не прошло после свадьбы – родился Виталик, дитя не совсем своевременное, но желанное, а поскольку дедушки и бабушки с обеих сторон еще не обрели статуса пенсионеров,

молодая мама оформила академический отпуск, а через год и совсем забрала документы. Ставить крест на учебе Люся, естественно, не собиралась и даже помыслить не могла, что когда-нибудь распростится с любимой физикой: вот доработают до пенсии бабушки!.. Больше, чем физику, она любила астрономию, с детства читала про звезды все, что попадало в руки, а когда в их городке открылся планетарий, они с Толиком стали там даже не частыми гостями, а своими людьми. Но на их факультете специальности «Астрономия» не было.

Толик после армии пошел работать к отцу на судоремонтный завод слесарем. Там была хорошая зарплата, перспективы на квартиру. А пока молодая семья поселилась в домишке Толиковых умерших деда и бабки, и это уже было счастье – свой угол. Потекла жизнь, как говорится, не хуже, чем у других и лучше, чем у многих. В материальном плане дела обстояли неплохо, хотя Люся не работала: Виталик был ребенком слабеньким, «несадовским». Да и муж привык: с работы возвращается – чистота, красота, любимая жена ждет, на столе горячий ужин! Когда они промелькнули, те благополучные пятнадцать лет?

И вот, видно, судьба решила, что – хватит, лимит счастья для этой пары исчерпан.

– За все надо платить! – спустя годы резюмировала умудренная Люся.

Вдруг начал прихварывать спортсмен и здоровяк Толик: микроинсульт, потом инсульт. Люся замоталась – каждый

день в больницу к мужу, с термосом, банками – судками, фруктами – соками. Спасибо свекрам, в этот период семья их единственного сына целиком и полностью жила за их счет. На заводе творилось что-то непонятное, зарплату не выплачивали месяцами, больничные не оплачивали, производство медленно умирало.

Когда она в первый раз столкнулась в дверях палаты с молодой женщиной (правду сказать, не такой уж и молодой, может, даже постарше Люси), никакого озарения не произошло, и внутренний голос молчал, пребывал в спячке, хотя, как и всякая женщина, Люся гордилась своей интуицией. Мало ли ходит в мужскую палату на шестерых жен, матерей, сестер!

Столкнувшись во второй раз, Люся, по больничным не писаным правилам приличий, поздоровалась. Женщина, что-то пискнув, шарахнулась от Люси, как от зачумленной. А придя как-то во внеурочное время, увидела эту женщину сидящей у кровати своего мужа. Тут уже их познакомили: Люся, жена – Нина, из профкома. Но и тут озарение ее не посетило. Да и о каком озарении вообще могла идти речь, если практически всю жизнь она прожила в атмосфере обожания, в уверенности, что она – единственная, самая – рас-самая! Бывало, идут они по улице, и Люся говорит мужу, не без умысла, тайного кокетства:

– Смотри, какая красотка! – а муж, головы не поворачивая:

– Да ну, лошадь бельгийская!

– Да почему бельгийская-то?

– Не знаю, так отец всегда говорит.

Но какой-то червячок начал копошиться в люсиных мыслях: это какой же член профкома станет через день да каждый день навещать в больнице члена профсоюза с бульонами? А спрашивать Толика – ему лишние волнения, а он только пошел на поправку, да и самолюбие не позволяло. А тут как-то, на грех ли, во благо ли, встретила Люся на рынке знакомую, работающую с ее мужем в одном цехе, и поинтересовалась, что за Нина такая у них в профкоме, и сильно смутившаяся знакомая, мямля и запинаясь, просветила бедолагу. Кто знает, что ею двигало: тайное ли чувство удовлетворения – нет счастья ни у кого! – женская ли солидарность – слепая тетеря! Нина-то из профкома, но с Толиком у них роман, скоро год как. Женщина неплохая, но в него вцепилась пиявкой, и голову, и стыд потеряла. Старше на пять лет, давно в разводе, взрослая дочь.

Люсю – как обухом по голове! Как она доплелась до дома, сколько пролежала в полубеспамятстве? Перепуганный Виталик сбегал за бабушкой и дедушкой (Люся к тому времени своих родителей похоронила одного за другим). Рассказала Люся свекрам, что услышала, не пощадила, не из мести или подлости, просто не смогла притвориться, сдержать свое горе и сотрясавшую ее ярость. Старики впали в то же состояние ступора, но нет, не в такое же. Он был их сыном, что бы

ни натворил. Разве Люся отвернулась бы от Виталика?

Мужа с тех пор она не видела ни разу. Забирала его из больницы Нина, выхаживала и выходила. Они и сейчас жили вместе, вполне благополучно, Толику дали третью группу инвалидности, где-то он работал сторожем. Все это Люся узнала гораздо позже. Как ни отмахивалась она от расспросов и изъявлений сочувствия, как ни пресекала разговоры, Артюховск – большая деревня, слухи все равно доходили. На развод она не подавала, он тоже не предпринимал никаких действий, так они и пребывали в статусе супругов.

– Бедная Нина! Так и живет в грехе! – иногда вымучивала шутку Люся. Свекры сначала приносили деньги – вроде как алименты (откуда там быть алиментам, он жил у Нины на содержании, все уходило на его лечение и реабилитацию?). Люся раз и навсегда отрубила:

– Нет!

Свекры не сразу поняли, что избрали неправильную тактику: если бы помощь исходила от них, может, Люся не пренебрегла бы ею. Они были на стороне невестки, но время шло, острота притуплялась, отказаться от единственного любимого сына – все равно, что заживо его похоронить. Виноват, кругом виноват, но ведь что ему пришлось пережить – этого только Люся понимать не хотела. Потом, спустя много лет, кое-что в этой ситуации начала понимать и она. Ведь, как ни гони от себя мысли, нет такого приборчика, чтоб регулировал мыслительный процесс: шелк! – вот об этом мож-

но думать, а эти мысли нам сейчас ни к чему, выключим их. Это только у Скарлетт О*Хара ловко получалось.

Не мог ее Толик в одночасье сделаться мерзавцем! Конечно, и переживал он, и боялся ее ранить, и признаться боялся – в глаза ей глядя, потому и тянул эту резину год – себя щадил, ее жалел... А может, надеялся, что все образуется, пройдет увлечение, да бабенка попалась цепкая. Может, и болезнь его этот роман усугубил – ему, мужику открытому и прямому, порядочному, каково было таиться, притворяться – как тут нервишки не начнут шалить. Как ни странно, Ни-ну Люся не особенно и винила: как можно не влюбиться в ее Толика! А потом, будем честными, не она – так была бы другая «Маня – Таня», причина все же в нем: он, наконец, оторвал взгляд от Люси и начал замечать других женщин.

Понять – не значит простить. Можно понять, что кто-то голоден, но разве простишь, когда тебя бьют по голове из-за этого, чтоб отнять кошелек? Кое-что объяснили ей слова тети Вали, мамы Зои Васильевны, тогда еще живой:

– Он тобой объелся! Когда каждый день ешь сдобные булочки, хочется ржаного хлебушка.

Как она выжила? Как жила то время? Она не просто похудела, она усохла, смуглота ее приобрела какой-то сероватый оттенок. Чего было больше в ее отчаянии – оскорбленного самолюбия обманутой женщины или ощущения, что мир ее предал? Ведь они были не просто любящей семейной парой, не счастливым симбиозом двух организмов – они были еди-

ным организмом. Толик был ее миром, и так было всегда.

Сын ли ее спас? Природа ли, подталкивавшая живое к жизни? Лежи не лежи пластом, а надо кормить сына, да и себя, одевать – обувать. Виталик учился в престижном лицее, и выглядеть должен был не хуже соучеников. Как-то в особо тяжкую минуту забрела она в планетарий, а там при входе – объявление: требуется техничка. Судьба!

– Звезды помогли, – Люся готова была впасть в суеверие.

И проработала она техничкой три года, а потом директор, отметив знания Людмилы Петровны в астрономии, ее коммуникабельность и три курса физмата, предложил вести кружок «Звездочет», а немного погодя – поработать экскурсоводом, на время декретного отпуска молодого специалиста.

Семь лет Людмила Петровна совмещала должности экскурсовода для малышей и уборщицы. «Как месяц к солнцу в гости ходил», «Азбука земли и неба»... Она бы дневала и ночевала на работе – это было ее спасением, да и деньги лишними не бывают. Но опять судьба решила, что, когда все хорошо, – это нехорошо. Прежний директор планетария вышел на пенсию, новая энергичная «метла», начав мести по-новому, обнаружила отсутствие диплома о высшем образовании у одной из сотрудниц, а поскольку у каждого нового руководителя есть свой человек, которого нужно трудоустроить, то и пришлось очень скоро Людмиле Петровне писать заявление «по собственному». Только мыть полы после семи лет «беспорочной службы», как она говорила, в каче-

стве экскурсовода, было ей обидно. Ее как бы разжаловали за плохое поведение. Самолюбие Людмилы Петровны опять взбунтовалось.

Виталик к тому времени, закончив бывший мамин физмат и аспирантуру, стал Виталием Анатольевичем, свежеспеченным преподавателем на кафедре физики, был женат и растил двух дочерей – погодок, Варю и Дашу. А Людмила Петровна работала ночной няней в садике для детей с ДЦП, и вот уже в декабре будет оформляться на пенсию. Она все никак не могла принять решения – что дальше? Остаться на этом хлопотном месте – тяжеловато: с больными детьми, бессонные ночи. Или уже активно заняться садом – огородом, к чему у нее тоже была склонность, собой, любимой – отдыхать, культурно проводить досуг? С невесткой у нее отношения не сложились, когда заболела одна из внучек, звонил сын и бубнил в трубку виновато: «Мам, не приедешь посидеть?» Люся собиралась и катила на автобусе в Астрахань. Тогда Ольга старалась быть радушной, в остальное время при виде свекрови лицо у нее каменело. Слова она не произносила и даже не цедила, а выплевывала. Людмила Петровна предпочитала навещать детей пореже: гордости ее хватало на все сферы деятельности, и служебную, и семейную.

– Девочки, вот говорят, что сыновья интуитивно выбирают жен, чтобы они были похожи на их матерей. Неужели я такая стерва? – недоумевала Люся. – Что я ей плохого сделала? Ни одного дня мы не жили под одной крышей, я не

лезу в их отношения, не учу жизни, не напрягаю в смысле материальной помощи мне, езжу, только когда пригласят. Но я спиной чувствую ее ястребиный взгляд, и он меня к земле пригибает. И у нее только два тона в общении со мной: или снисходительного превосходства, как будто я неизлечимый придурок, или оскорбленной страдальцы, однажды обиженной мной. Она уже не помнит, чем я ее обидела, но она мне этого никогда не простит! Или я – человек второго сорта, потому как не хватило ума и характера получить диплом о высшем образовании в свое время? А сын ведет себя индифферентно. И это мой Виталик, моя кровиночка! Совсем чужой!

– Это когда сыновья выбирают, – объясняла мудрая тетя Валя. А в твоём случае выбрали твоего сына. А уж по каким причинам выбрали?..

– Что ж, он так плох, что его и выбрать нельзя? – оскорблялась Люся.

– Ну, повело тебя, не в ту степь!

– Отбрей ее хоть разок, выскажи все!

– Сын ее любит. Не хочу раскола.

– Выходит, я тоже – человек второго сорта? – оскорблялась Мила.

– При чем тут ты?

– Как это при чем? У меня тоже нет диплома о высшем образовании!

– У тебя есть о среднем специальном!

– Окстись! У меня есть цидулька об окончании бухгалтерских курсов, плюс богатый практический опыт!

– Девочки, да успокойтесь, ради бога, – морщилась миротворица Зоя.

Когда они на очередном своем сборе после пары рюмочек слезливо рассуждали о превратностях жизни, неперемный четвертый участник их посиделок и постоянный спикер – убежденная атеистка тетя Валя, сама того не ведая, озвучила библейский постулат: «Нет, девки, с вами происходит только то, что должно произойти!» То есть, другими словами, что предначертано...

Царствие ей небесное.

Людмила Ивановна

Людмила Ивановна обитала в однокомнатной квартире кирпичной пятиэтажки почтенного возраста: она перешагнула шестидесятилетний рубеж. Хозяйка и квартира были практически ровесниками – Людмиле Ивановне минуло 62, и в их долгом сосуществовании, несомненно, просматривалось взаимовлияние и взаимосвязь, как у проживших долгую жизнь супругов. Они даже заболели вместе. Если у Людмилы Ивановны воспалялся коленный сустав, примерно в это же время в трубах ванной образовывался свищ, начинала потихоньку сочиться вода, и нужно было, чтобы не ждать, неизвестно сколько, халтурщика из ЖЭКа, срочно ис-

кать мужика «с руками», хоть пьющего, а по нынешним временам это еще та проблемка: рукастые мужики вымерли, как мамонты.

Назревшая необходимость зубопротезирования совпала с неотвратимо надвинувшимся ремонтом, а свалившийся как снег на голову диабет теперь всегда ассоциировался у бедной Людмилы Ивановны с параллельно протекавшей заменой системы отопления, заизвестковавшейся за протекшие годы (в квартире стало холодно). «Эх, старье мы с тобой», – говорила хозяйка своему жилищу.

Ей было 30 с небольшим, когда, после развода и размена, Мила с десятилетней Юлей переступили порог своего нового дома. Немало с той поры воды утекло. Юля выросла и, как положено, вышла замуж, в Питере, где училась. Сразу, чтоб больше к этому вопросу не возвращаться, родила двойняшек Олега и Глеба, и вот уже восемь лет воспитывала и образовывала их, в соответствии с нынешними педагогическими воззрениями, которые черпала из глянцевого журналов – «я старым книгам не доверяю». Параллельно Юля, в свободное от работы время, вела дом, как могла и насколько успевала, и выплачивала с мужем ипотеку за двухкомнатную квартиру. Когда мальчишки родились, новоиспеченная бабушка курсировала между Артюховском и Питером, жила там месяцами (пацаны по очереди, а то и одновременно заболели, их молодые родители от недосыпу потихоньку зверели, вторая бабушка еще работала, и Людмила Иванов-

на была очень востребована).

На лето молодая семья приезжала в Артюховск, «на юга».

И вот внуки подросли, материальная база молодой семьи упрочилась – они уже могли позволить себе съездить в Сочи и даже один раз – в Дубай. Маленький, грязненький провинциальный Артюховск уже не был столь привлекательным для начинавшего знакомиться с миром семейства. Но хорошие отношения с дочерью сохранились, и они, пожалуй, могли бы быть подружками, если бы не разделявшие их тысячи километров. Во всяком случае, по телефону они могли трепаться по часу. Мать Зои Васильевны – женщина прямая и категоричная, напрочь лишенная дипломатических талантов, но всеми подругами нежно любимая тетя Валя, к Юле «неровно дышала»: «Молодец девочка, не воротит рыло от своих пролетарских корней!»

Самое время пришло для Людмилы Ивановны решить проблему одиночества. Статная, стройная блондинка Мила мужским вниманием обделена никогда не была. Одного прораба сразу после отъезда Юли на учебу даже рискнула привести в качестве мужа. Прораб, мужчинка хлипкий (как охарактеризовала его тетя Валя – «соплей перешибешь»), пленил Милу глубоким бархатным баритоном и игрой на гитаре. В двух предыдущих семьях у прораба было трое детей, и он слегка притомился и от детей, и от жен, и от необходимости добывать деньги на алименты. Приятной во всех отношениях Людмиле Ивановне статус одиночки добавлял шарма.

А как она слушала его пение! «Клен ты мой опавший», «Не жалею, не зову, не плачу»... Особенно ей нравилась песня про капитана дальнего плавания, которого предала жена. У них сложился прекрасный дуэт:

Дождь в Одессе,
Зной в Калькутте...
Фотография в каюте,
Что висела и не знала
Тайных дум оригинала,
И лгала во время странствий
О любви и постоянстве.

А эта его худоба, его неухоженность... А его слова! «Таких, как ты, больше нет», «если бы тебя не было, тебя нужно было бы придумать!»... Пошлые штампы из мужского охмурительного арсенала звучали небесной музыкой. «Ты устала от жизни, тебя просто нужно отогреть...» Но процесс обогрева и отдохновения прораб начал с себя, любимого, и расслабился слегка, решив, что достиг земли обетованной. А Людмила Ивановна, вынужденная на территории в восемнадцать квадратных метров общаться более тесно, поняла, что прораб, мягко, очень мягко выражаясь, выпить не дурак. С катастрофической скоростью вдруг стали заканчиваться ее лосьоны, духи и туалетная вода, а от прораба приятно пахло ее парфюмом, но почему-то изо рта. А, кроме того, были в его характере черты, которые женщина станет терпеть только

после долгих лет супружества, пережив процесс притирки.

Их брак длился два года, слава богу, «совместно нажитого имущества» не наблюдалось, делить ничего не пришлось. На встрече, устроенной по случаю возвращения в лоно коллектива блудной подруги, Мила вопрошала: «Девочки, вот как вы думаете, все бабы дуры или только русские? Ну, сколько уже можно ту лапшу с ушей снимать?» Людмила Ивановна, снявши лапшу с ушей, еще не раз позволяла ее навешивать на свои уши – душе все чего-то нужно было, душа все чего-то хотела, а порой даже требовала.

– Наверно, карма у меня такая. Наверно, венец безбрачия, – иногда горевала Мила.

– Крыша у тебя такая – конкретно съехавшая! – злилась Люся. – Ну что ты этих козлов жалеешь! Зайка, как там у твоих писателей? Хочешь – пиши, не хочешь – не пиши! Нарисовался на твоём горизонте крендель – сразу реши, хочешь или не хочешь «писать». И действуй соответственно!

– Если можешь не писать – не пиши, если не можешь не писать – пиши, – уточняла Зоя Васильевна.

– Как я могу решить, не узнав человека? – отбивалась Мила, и, надо признать, резон в ее словах был. А как его узнать, не сойдясь ближе? Я – не рентген! Не все же такие прозорливые, как ты!

Людмила Петровна мрачнела, Зоя Васильевна ежилась, Людмила Ивановна спохватывалась: Люсины прозорливости – это было табу.

– Ты, Милочка, подбираешь мужиков по принципу «каждый следующий отомстит за предыдущего», – примирительно шутила Зоя.

– По крайней мере, есть что вспомнить! А вы?. Ну ладно, ты, неплохо с мужем прожила, блюдешь память о нем, помнишь только хорошее. А Люська? Один раз под дых получила и скрючилась на всю оставшуюся жизнь! Сохнет, чахнет, и никак не выпрямится, все свою душевную травму лелеет, тетешкается с ней. Сколько там той жизни осталось!

– Я, Милочка, все помню, и хорошее, и плохое, но мне пятьдесят восемь! Не поздновато ли начинать еще одну жизнь, с чужим человеком?

– Чтоб он своим стал, надо с ним пуд соли съесть, а вы даже попыток не делаете – найти этого чужого человека да солицы с ним покушать!

– Бр-р-р!!! – передергивалась Люся, – чужой мужик будет по моему двору да по огороду шляться, требовать первое, второе, третье!..

– Но он же, наверно, и помогать тебе будет? – оптимистично предполагала Зоя.

– Вот именно: наверно! Совсем не факт! Да еще, чего доброго, и в одну постель с ним ложиться надо будет!

– Ты дура, да? – вздыхала Мила.

– Допустим! Ты вот умная, и попыток у тебя было несколько, а что в итоге? Одна, как и я. Неужели в этом козлином стаде одного-единственного козлика, мало-мальски

приличного, для тебя не нашлось!?

– Я и говорю же: карма! А потом – лучше сделать и жалеть, чем жалеть о том, что не сделано!

Во всяком случае, несмотря на еще несколько попыток Милы устроить свою судьбу, больше ее кровные восемнадцать метров мужские особи на законных основаниях не топтали.

– Наверно, правду говорят, что настоящего мужчину придумали женщины, чтобы пугать ими своих мужей, – вздыхала Мила.

А трудовая ее биография была связана с кондитерской фабрикой, где пребывала она в должности бухгалтера до 90-х, как их сейчас называют, лихих. Об их продукции и сейчас ностальгировали люди, когда-то ее вкусившие – ах, чернослив и изюм в шоколаде, «Гуси-лебеди», «Жемчужина дельты»! Когда начался планомерный развал, захват и распродажа всех мало-мальски рентабельных предприятий, их сладкое производство чаша сия не миновала. Сначала фабрику выкупили иногородние варяги, и начало их оккупации ознаменовалось увольнением большей части специалистов-стажистов и сокращением зарплаты. Затем, вывезя ценное оборудование, варяги перепродали разбомбленное производство «греку из Ростова», как утверждала молва. «Грек» довершил черное дело. Сейчас фабрика угрюмо взирала на мир заколоченными накрест окнами, в двери проходной был пробит лаз, в который ныряли наркоманы, по своим жизнен-

но важным делам.

И вот в свои сорок пять без малого Людмила Ивановна осталась, как говорится, без куска хлеба, без перспектив его заработать и с необходимостью платить за квартиру. Слава богу, Юля уже заканчивала учебу, подрабатывала по специальности и могла обойтись без маминой помощи.

Учебные заведения всех уровней, профилей и форм собственности «пекли», потрафляя спросу, юристов – экономистов – бухгалтеров. Людмила Ивановна, в поисках работы не пропускавшая ни одного объявления ни в одной местной газете, порой со смеху покатывалась: требовались бухгалтеры – девушки, приятной внешности, не старше 25-ти лет, с опытом работы не менее пяти лет. Разве что одному требованию – на предмет приятной внешности могла соответствовать Людмила Ивановна, но в те времена в народившемся племени артюховских бизнесменов не находился любитель сорокапятилетней ягодки с большим бухгалтерским стажеи.

Был у нее опыт с «Гербалайфом», было выращивание грибов – вешенок (до продажи дело не дошло, грибы почему-то не росли в купленных на последние сбережения мешках с мицелием, была должность сторожа на строительном объекте у частного... Сейчас Людмила Ивановна порой сама себе удивлялась: как она тогда не побоялась и рискнула влезть в эту клоаку – рыночную торговлю? Однако рискнула, влезла – от безысходности и отчаяния, наверно. Назанимала у хороших людей (слава богу, нашлись такие, еще сохранив-

шие какие-то сбережения, как правило, у хороших людей их не бывает) нужную для старта сумму. По части оформления необходимых бумаг и взаимодействия с серьезными организациями особых проблем не возникло – спасибо начальному бухгалтерскому образованию и трудовой деятельности, а знания компьютера рынок не требовал. Для начала, по подсказке новых товарок, съездила Людмила Ивановна в Пятигорск, набила барахлом три клетчатых сумки – сундука, под их же чутким руководством (такие же бедолаги, экс-учителя, медики и прочая бюджетная мелочь, либо попавшая под сокращение, либо работающая де-юре, а де-факто зарплаты не получающая). И начался новый этап ее жизни – рыночной торговли, а если применить эвфемизм – индивидуально-предпринимателя. Те же товарки, освоившиеся уже в новых реалиях, помогли адаптироваться и ассимилироваться.

Дело у нее пошло, обнаружилось у нее чутье в искусстве одевать не столько себя, сколько других. Да и вкусы ее избалованных покупательниц были неприхотливы – было бы поярче да с люрексом, да подешевле. Уже и долги были розданы, с благодарностью и презентами, уже и ассортимент товаров расширился, уже кое-какие накопления появились, как Юля надумала рожать. Ладно бы еще одного, справились бы как-нибудь, но двое младенцев с малым весом плюс роженица с кесаревым – какая же мать станет наблюдать это в отдалении? И новоиспеченная бабушка ликвидировала свое индивидуальное предприятие, сдала квартиру двум студент-

кам, поручив подругам быть инспектирующей стороной, и отбыла в град Петров осваивать свою новую роль. А когда внуки подросли, и вторая бабушка вышла на пенсию и приняла эстафету у Людмилы Ивановны, она вернулась в Артюховск уже окончательно, чтобы начать, как сама полагала, последний этап своей жизни.

Зоя Васильевна

Зоя Васильевна и внешне, и характером в их триумвиrate выполняла функцию связующего звена, так сказать, среднего арифметического. В крупной, медлительной, обычно невозмутимой Миле проглядывало что-то такое скандинавско-прибалтийское. Недлинные светлые волосы в молодости она укладывала «улиткой» или сооружала «халу» и подкрашивала, подчеркивая природную блондинистость. С возрастом красить перестала: седина у нее была красивого серебристого оттенка, женщины, старея, о такой мечтают. И поседела она как-то сразу, не испытав эстетических мук при общении с зеркалом.

Теперь волосы она скручивала в поредевший пучок и закалывала яркими пластмассовыми заколками. Слабость к сочным, «кислотным», цветам разрушала скандинавско-прибалтийский имидж: на ее кофточках, вышитая люрексом, во всякое время года цвела фауна всех климатических зон планеты Земля, а иногда и вовсе какая-то неве-

домая, инопланетная растительность. Люся называла это – «светофорить». Мила любила все «в облипочку», а когда выходила в свет в «капри» или бриджах – на седьмом десятке и при ее комплекции – была темой дня для женского населения родной пятиэтажки.

– Ну, сегодня у бабок день будет прожит не зря! – радовалась Людмила Ивановна. – Скрасила их серые будни!

А в числе «бабок» наблюдались и ее сверстницы, и экземпляры помоложе.

Роскошная черная грива молодой Люси, смуглая кожа, пылкий взрывной характер намекали на наличие в ее родословной восточного человека, но время скрыло этот факт. При взгляде на постаревшую Люсю в женских головах Артюховска рождалась одинаковая мысль: в четвертом лицее у парикмахеров грядет экзамен по окрашиванию волос, и женщина послужила моделью для любимой внучки-двоечницы. Правда, с тех пор, как в моду вошло мелирование, Люсины шевелюра уже не пробуждала нездорового интереса у широкой артюховской общественности. Наоборот, теперь многие полагали, что над ее волосами поработала вдохновенная рука опытного стилиста. Между тем, пятнистость и полосатость ее головы была следствием неравномерного поседения.

В вопросе окрашивания волос, а равно и использования косметики, Людмила Петровна придерживалась твердого принципа: ни за что! Было ли это следствие ее печальной лав стори? Или демонстрация немого презрения к «коз-

лам» (это для козлов, что ли, краситься?) – кто знает!

Теоретическая подоплека была такова: когда-то Люся услышала по телевизору сообщение некоего путешественника, что английские женщины, в отличие от американок, старятся достойно, спокойно воспринимают этот этап своей жизни. Американки же, с их бесконечными диетами, косметическими операциями и озабоченностью здоровым образом жизни и в старости выглядят, как кукла Барби, – искусственными особями без возрастных рамок. Люся эту теорию восприняла буквально, и с тех пор воплощала ее в жизнь, находя в ней дополнительные плюсы: экономию времени и денег. Перешагнув рубеж сорокалетия, она свою роскошную гриву стала стричь очень-очень коротко (чтоб дольше отрастало)!

– Люська опять тифом переболела! – ерничала Мила.

Зоя Васильевна обладала внешностью типичной славянки: сероглазая, русоволосая, чуть выше среднего роста и средней же полноты, носик уточкой, припухшие веки, однако, не лишена приятности. Весь ее вид уравнивал крайности подруг: не Милкин небрежно-изящный пучок и не Люськина «тифозная» обскубленность, а стрижка средней длины, старомодная модель, но ей к лицу, «сессун». Красилась она в русый, натуральный, цвет. И бровки-реснички подкрашивала, и маникюр раз в месяц – все же работа с людьми. Милкиной страсти к ярким цветам, люрексу и пайеткам не разделяла, но не приветствовала и Люсин аскети-

ческий стиль – черно-серо-коричневые балахонистые наряды. Она не придерживалась какого-то определенного стиля, и если Люсе милы были англичанки, то Зоя как-то больше тяготела к француженкам, а точнее – к их принципу комплектования гардероба: что имеется в шкафу, что по карману и (в последнюю очередь) – что идет. Эта информация тоже была почерпнута из телевизора. Велика была роль этого средства информации в жизни артюховских дам!

В процессе зарождения и развития их дружбы Зоя Васильевна была инициатором и катализатором, а также цементирующим составом. Большая часть ее трудовой деятельности прошла в библиотеке, и карьерный рост завершился должностью заведующей библиотекой-филиалом их микрорайона.

Как-то, делая анализ чтения группы читателей, она обратила внимание, что в формуляре Людмилы Петровны преобладают книги по астрономии. То было время, когда библиотечный хороший тон требовал, чтобы при каждой порядочной библиотеке действовал клуб по интересам. У Зои Васильевны забрезжила надежда соединить, как говорится, полезное с приятным: эта читательница давно была ей симпатична. В процессе того, что на языке библиотекарей зовется «индивидуальная беседа», она и предложила будущей подруге взять на себя руководство пока еще не существующим клубом «Юный астроном», естественно, на общественных началах, то есть, грубо говоря, «за спасибо». Та с радостью

согласилась, чем еще более упрочила симпатию к себе Зои Васильевны. Так звезды опять сыграли роль в судьбе Люси. Позже выяснилось, что они даже одно время учились вместе в институте, но на разных факультетах и курсах.

Людмила Ивановна влилась в их компанию немного позже. Эту свою читательницу – страстную любительницу детективов вообще, и Б. Акунина в частности, – Зоя Васильевна не могла не пригласить на литературный вечер «Детектив: классика жанра и вечная новизна» с просьбой сделать небольшое сообщение об Акунине. Читательница и выступила, и в дар библиотеке преподнесла «Алмазную колесницу», которой библиотека не имела. По не писаной традиции подобные мероприятия заканчивались чаепитием с участниками. А позже – последовал обмен семенами-саженцами, разговоры по душам, дальше – больше: стали ходить в гости друг к другу. Пришло время, когда и помощи начали друг друга просить по мелочам и разным поводам.

С мужем Зоя познакомилась, когда ей уже исполнилось двадцать пять. Случилось это на августовском совещании учителей, в секции словесников, где она делала обзор новинок художественной литературы (после института в школе она отработала только несколько лет, поняла – не ее стезя, и ушла в библиотеку). Владислав Николаевич был старше на пять лет.

Недолгий период ухаживания завершился свадьбой. Большой любви, конечно, не случилось, была взаимная симпатия

двух интеллигентных людей и, с обеих сторон, чувство назревшей необходимости создавать семью. Он был единственным сыном, как Зоя – единственной дочерью, отцы у обоих уже умерли. Мама Влада прихварывала, и жить молодые решили с нею, да там и протекла их семейная жизнь, вполне благополучная.

Мужу едва исполнилось пятьдесят три, когда его не стало: инфаркт. Это было первое большое горе в жизни Зои Васильевны, но тогда была жива мама. Вместе тянули-доучивали детей, впрочем, уже достаточно взрослых: Мише – двадцать два, Лене – восемнадцать. Вернулись к ней, а прежний свой дом, бывший родительский мужа, сдавали внаем – неплохое подспорье. Горе пережили вместе, а это – уже полгоря.

Через шесть лет от инсульта умерла мама. Зоя Васильевна переживала ее смерть одна: Миша, закончивший мореходное училище, был в «загранке», и на похороны выбраться не смог. Лена, вышедшая замуж первый раз в двадцать один год, через два года развелась, но, вкусив самостоятельности, продолжала жить в доме отца, под мамино крыло возвратиться не захотела. В то время, когда умерла бабушка, у нее протекал медовый месяц со вторым мужем, и даже в первые сорок дней ночевать у матери она не могла, вернее, не хотела: считала все эти деликатные моменты сантиментами и предрассудками. Молодость и смерть – вещи трудносовместимые, но надо признать, что некоторая душевная черствость Леночке была присуща.

Тут-то подруги и подставили свои хрупкие, но надежные плечи: и поминки, и на кладбище, и ночевки по очереди. После сороковин Люся сказала: «Я, конечно, могу к тебе ходить, но ведь когда-то надо начинать привыкать». И она начала привыкать. Днем – работа, а ночи текли в полубодрствовании – полусне: читала, включала телевизор, пила водичку, корвалол, бродила по комнатам. Вымотавшись за несколько ночей без сна, в какую-то ночь как в пропасть проваливалась – отсыпалась. Снотворное принимать не решалась – боялась проспать, не услышав будильника, и опоздать на работу. Почему-то ей было не так сиротливо, муторно, страшно, когда кот решал не идти в свою «ночную смену», а остаться на ночь дома: он чесался, вылизывал себя, даже похрапывал тихонько – живая душа рядом.

Сын появлялся нечасто, он уже успел жениться и тоже развестись. Невестку за время их брака Зоя Васильевна видела не более пяти раз, внука – еще меньше. Были у женщины смутные подозрения, что мальчик – сын другого мужчины, не Миши: уж слишком быстро разошлись, ребенку только семь месяцев исполнилось, и Настя почти сразу опять вышла замуж. Развод произошел по ее инициативе, от алиментов на себя и ребенка она отказалась, а теперь исподволь вела дело к тому, чтобы Миша отказался от отцовства. Когда Зоя Васильевна сказала Мише, что хочет съездить в Новороссийск, где жила бывшая семья сына, повидать внука, тот прямо-таки вскинулся:

– Нечего делать!

Мише такая грубость была не свойственна.

Сейчас у него была гражданская жена в Севастополе («в каждом порту по жене», – невесело шутила мать).

Дочь детьми не обзавелась, слава богу! А может, вовсе и не слава богу, а наоборот: была бы сейчас Зое Васильевне от-рада. Но, с другой стороны, чужой дядька – новый муж, Андрей, стал ли бы хорошим отцом ребенку? А то, что с Вик-тором Леночка развелась, – вот, поистине, слава богу! До-ждется еще Зоя Васильевна внуков. Что ж поделаешь, раз так жизнь складывается.

Столичный гость

Заканчивался июнь. После майских холодных дождей сразу упала жара. Дни тянулись бесконечные, темнело уже почти в десять, и темнота падала сразу. С городского пляжа день-деньской долетали взвизги купальщиков. Жизнь была бы прекрасна, если бы ее не отравляла мошка – неизменный атрибут июня. Старожилы с унынием вспоминали времена, когда этой пакости в здешних местах не было, она пришла с низовий Волги где-то в конце 70-х.

Скоро месяц, как три пожилые дамы начали претворять в жизнь свой план – минимум, в котором третьим пунктом значились прогулки. Осуществлением первого пункта стало посещение музея истории города.

И сегодня, по сложившейся уже традиции, встретились у перекрестка, дошагали до ближайшего дома, возле которого сохранилась лавочка, и сели обсудить маршрут. Лавочек в старой части Артюховска оставалось все меньше: молодежь оккупировала их по ночам и лишала хозяев дома покоя – пили пиво, пели, вернее, вопили дурниной, ругались матом («матились»). Если принять во внимание, что за закрытыми ставнями окна были открыты, по причине жары, то понятно, что хозяевам приходилось несладко. Постепенно лавочки ликвидировали. На смену им пришли складные рыбацкие стульчики, с которыми население выходило на вечерние посиделки. Похоже, близились времена, когда и о лавочках будут ностальгически вспоминать старожилы.

От подруг вкусно пахло сдобными булочками: чья-то изобретательная голова придумала новое средство от мошки. Традиционным и самым немудрящим средством были ветки сирени и акации с близлежащих кустов, ими и обмахивались граждане на автобусных остановках и гуляющие, обламывая немилосердно кусты. А это не веером на балу обмахиваться, скорее, веником в бане себя нахлестывать.

Уже населением были опробованы одеколон «Гвоздика», крем «Таежный», настой гвоздики на тройном одеколоне –

мошка приспособлялась ко всему. Появились в продаже накомарники – гибрид шляп с вуалью из москитной сетки, но такой вариант был популярен только у дачников да у некоторых лиц преклонного возраста. Самое эффективное средство оказалось простым, как все гениальное: смесь ванилина с детским кремом. В июне на артюховские рынки выбрасывалось несметное количество ванилина, но он был в дефиците весь месяц. Логисты в столице, наверно, ломали головы над этой проблемой – почему именно в июньскую жару поволжских хозяек одолевает страсть к выпечке? Но пока народ экспериментировал – мошка мутировала. Через год-два, возможно, запах ванили будет для нее так же желанен, как запах «Шанели» или «Кензо» для светской львицы...

– Куда сегодня? – спросила Зоя Васильевна. – В парке были вчера, на набережной позавчера...

И тут зазвонила «нокия» Людмилы Ивановны.

– Юлька! – оповестила та подруг. – Ни раньше, ни позже! Да, доченька! – и вовлеклась в диалог с дочерью.

Людмила Петровна и Зоя Васильевна затеяли тихий разговор, чтобы не слушать, но реплики подруги убили их деликатность на корню. Они наострили ушки.

– Ну ладно, ладно, мы подумаем! Пока, всем привет! – наконец закруглилась Мила.

– Что там? – спросила Люся с подозрением. – К тебе едут или к себе зовут?

– Не угадаете! К нам едет столичный гость.

– Это еще что за фрукт? И почему – «к нам»? Мы тут с какого боку? – в недоумении спросила Зоя Васильевна.

– Моя дочь преподносит очередной сюрприз, – пожалала плечами Людмила Ивановна.

А суть была в следующем. Юлин сосед-вдовец, пенсионер-архитектор Игорь Николаевич имеет увлечение: русское деревянное зодчество, конкретнее, деревянная резьба, даже пишет работу по этой теме. Он знает, что Артюховск, в числе других поволжских городов, когда-то был знаменит этим промыслом и мечтает съездить в один из городов, увидеть, так сказать, «живьем» то, что еще сохранилось. Он, конечно, посетит музей истории города, сходит в Комитет по охране памятников культуры. Ему, возможно, дадут адреса существующих деревянных зданий, представляющих художественную ценность. Но он хотел бы просто походить по улицам старого города. Может, откроет что-то особенное, никому не известное, а может, отыщется современный умелец, сберегший секреты ремесла.

Юля, как патриот своего города, загорелась идеей прославить Артюховск в веках. Она предлагает, чтобы Игорь Николаевич остановился у тети Зои в летней кухне. Всего-то пару недель! Человек он интеллигентный, непьющий, неконфликтный, особых хлопот не доставит, разве что обедом раз в день накормить, так он заплатит и за жилье, и за питание. Все же – приварок к пенсии.

– Все распланировала! – рассердилась Зоя Васильевна. –

Забыла только у тети Зои поинтересоваться, нужен ли ей этот приварок, с такой обузой!

– Она ж и позвонила, чтобы спросить! – встала мать на защиту. – Говорит, человек хороший, хочется помочь. Очень просит! Она еще спрашивает, цел ли дом Тихановича? Уже напела ему про эту красоту!

– Ой, не знаю я... Как-то все неожиданно... И вообще, меня эта идея напрягает – чужой мужик во дворе...

– Ну, если Зайка не хочет мужика приютить, пусть он у тебя, Милка, поживет, а ты эти две недели у меня перекантуешься, – предложила Людмила Петровна. – Он же по делу едет, а не рыбачить или квасить-купаться-загорать. Может, он наш Артюховск и правда прославит!

Людмиле Ивановне это предложение, сделанное от чистого сердца, градус настроения понизило: кантоваться на седьмом десятке две недели в чужом доме, пусть даже доме подруги, – небольшое удовольствие! Она заметно суксилась. Однако Люсино заступничество решило вопрос в пользу столичного гостя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.